

АНДРЕЙ ВОРОНИН

КОМБАТ

ИДЕАЛЬНОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Андрей Николаевич Воронин
Комбат. Идеальное вторжение
Серия «Комбат»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63521217

Комбат. Идеальное вторжение: Харвест; Минск; 2011

ISBN 978-985-16-7464-6

Аннотация

Возвратившись из очередной спецкомандировки, Борис Рублев узнал о жестоком убийстве своего друга, талантливого журналиста Игоря Буданцева. Игоря заинтересовала деятельность фирмы «Новая жизнь», сравнительно недавно появившейся на рынке услуг, и он начал собирать факты, стоившие ему жизни.

Прочитав оставленное Буданцевым письмо, бывший командир десантно-штурмового батальона решил продолжить расследование.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	56
Глава 9	67
Глава 10	74
Глава 11	91
Глава 12	97
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Андрей Воронин

Комбат. Идеальное

вторжение

© Подготовка и оформление Харвест, 2011

Глава 1

– Ща мы вдарим! Ох, как мы щас вдарим! – Фитиль хищно оскалился, будто норовя вцепиться металлокерамическими клыками в горло жертвы, и нацелил кий в центр шара, остановившегося точно напротив лузы.

Мобильный телефон зазвонил в тот момент, когда кий в его руках замер на мгновение перед тем, как устремиться вперед.

– Кому еще приспичило! – раздраженно выдохнул Фитиль, от неожиданности смазав верный удар.

Он посмотрел на высветившийся номер и, тут же сменив гнев на милость, спросил:

– Привезли?

Получив на свой вопрос утвердительный ответ, Фитиль коротко распорядился:

– Все подготовьте и ждите меня. Я скоро буду... Ну давай, че телишься?

Последние слова относились к сопернику Фитиля, все еще размышлявшему, как лучше распорядиться подарком судьбы. Но шары раскатились в сторону от лузы, да и игроком он был неважнецким, поэтому вместо того, чтобы воспользоваться неожиданным шансом, снова умудрился сделать подставу. Наученный горьким опытом, Фитиль отключил телефон и смачным ударом загнал шар в лузу. А следом и второй,

после чего оглядел поле бильярдного боя и, убедившись, что точное попадание крайне сомнительно, увел парочку шаров в бесперспективное для неприятельской атаки место. Последовало несколько тактических ходов, когда соперники лишь затрудняли друг другу активные действия, а затем противник сделал очередную подставу, и Фитиль поочередно загнал в лузы сразу три шара.

– Партия! – он сгреб лежавшую на столике кучку банкнот и сунул в карман.

Через пять минут Фитиль уже сидел за рулем «БМВ», а еще через двадцать небрежно раскинулся на просторном диване, стоявшем в большой, метров тридцать комнате. Перед ним на столике лежала коробка сигар и налитый почти до верха бокал виски. Вообще обычно Фитиль курил сигареты, но изредка менял свои привычки, скорее всего подражая героям американских гангстерских саг.

В нескольких метрах от него стояла женщина. Хотя Фитиль бросал на нее довольно откровенные взгляды, женщине трудно было назвать мечтой поэта. Или хотя бы такого прожженного типа, каковым являлся Фитиль. Она была чуть ниже среднего роста и при этом весила как минимум центнер. Поиск ее талии стал бы безнадежной задачей даже для опытного анатома или портного. Ее лицо, когда-то, возможно, бывшее миловидным, сейчас напоминало наглядное пособие о вреде переедания и малоподвижного образа жизни. Пожалуй, ее грудь могла воодушевить ценителя женской

красоты. Да и то лишь облаченная в бюстгальтер, придающий ей видимость формы и не позволявший расползаться куском раскисшего теста по груди и верхней части живота.

Между прочим, если внимательно присмотреться, можно было заметить во взглядах Фитиля не эротическое желание, а худо-бедно скрываемое нетерпение. Нарочито медленно он раскурил сигару, отхлебнул из бокала и сделал глубокую затяжку:

– Ну, давай, показывай новеньких.

Женщина подала знак, и в комнату грациозно вошли пять молодых женщин. Они соблазнительно покачивали бедрами, поворачивались вокруг своей оси, демонстрируя ножки, призывно улыбались. Не хватало только музыки, соответствующей обстановке.

Впрочем, музыка была бы лишней, только отвлекла бы Фитиля от дела. Ведь он был не клиентом увеселительного заведения, а его хозяином. Толстая женщина была главным менеджером сего гнезда разврата или, в просторечии, мамочкой. Последний месяц у руководимого ею бизнес-проекта не задался. То есть клиент шел, как обычно, и доходы оставались на прежнем уровне, но Фитиль потерял сразу четырех девочек.

Одна из них вышла замуж. И у проституток такое случается, хотя очень редко. Мамочка потребовала отступных в размере десяти тысяч зеленых (так сказать, выходное пособие наоборот), угрожая в противном случае рассказать све-

же испеченному мужу о бурной прошлой жизни его супруги, однако девица заупрямилась. Она, в свою очередь, пригрозила сообщить куда следует о незаконном бизнесе. Мамочка бросилась к Фитилю, но тот лишь развел руками. Если бывшая проститутка обратится к ментам, потери борделя окажутся куда весомее жалких десяти кусков зелени. И, в конце концов, у нас демократия, каждый волен поступать, как ему заблагорассудится.

Вторая ночная бабочка упорхнула не только из профессии, но и из нашего суетного мира. Ее обнаружили мертвой на съемной квартире. Смерть наступила от передозировки героина. Фитиль, как рачительный хозяин, по этому поводу устроил мамочке серьезную головомойку. Та, как могла, оправдывалась. Не всем девочкам нравится то, чем они занимаются. Некоторые от этого очень даже страдают и ложатся с мужчинами в постель лишь потому, что не умеют иначе зарабатывать деньги. Такие страдалицы начинают искать утешение в алкоголе и наркотиках, и бороться с их пагубными привычками так же бесполезно, как атаковать с копьём наперевес ветряную мельницу.

Последний случай оказался самым тяжелым. В начале месяца исчезли две проститутки. Их навсегда увели прямо с рабочего места. Охранники точки легкомысленно прошляпили клиентов, поскольку те расплатились сразу и не торгуясь. А через две недели ночных бабочек случайно обнаружили в лесной чаще, заброшенных сосновыми ветками. Милиция

установила, что перед смертью над проститутками жестоко издевались. Нормальному человеку даже в голову не придет то, что с ними вытворяли садисты. У матери одной из погибших, когда она увидела останки своего ребенка, случился обширный инфаркт, спасти ее медики уже не смогли.

По большому счету Фитиля не сильно волновала судьба его наемных работников. Подумаешь, еще две труженицы сферы интимных услуг сгорели на работе. Его возмутил сам факт убийства. Какие-то отморозки нагло бросили ему вызов, не побоялись мести за преступление, действовали так, будто команда Фитиля не опаснее набора игрушечных солдатиков. Фитиль бы стерпел удар, нанесенный по самолюбию, но среди конкурентов могут пойти слухи: типа, Фитиль – фуфло, его телок безнаказанно убивают. А там недалеко и до оргвыводов, когда другие паханы попытаются захватить выгодное дело. Поэтому Фитиль приказал своей братве хоть из-под земли достать кровавых садистов. А заодно озадачился поиском новых девочек, способных решить возникший кадровый дефицит. Замену выбывшим ночным бабочкам нашли быстро, и теперь Фитиль оценивал качество товара. После своеобразного дефиле он слегка поморщился, тем самым сделав экспресс-оценку новым работницам: и ткнул пальцем в ближайшую девушку:

– Эй, ты, подойди сюда!

Когда та выполнила требование хозяина, последовала серия новых команд:

– Сними лифчик... голову подыми... покрути жопой... ладно, пойдет для сельской местности.

Такому же осмотру подверглись две следующие девушки, с той лишь разницей, что вторую Фитиль соизволил собственноручно шлепнуть по ягодице, сказав при этом:

– Ишь, оторва!

Оторве повезло больше всех. Дело в том, что кроме борделя проститутки Фитиля работали на улицах в двух так называемых точках. Они являлись низшей кастой ночных бабочек, и их было раза в четыре больше, чем счастливиц, принимающих клиентов в комфортных условиях. По решению Фитиля оторва осталась в борделе, а две ее коллеги в ближайшее время отправились на улицу.

Фитиль сделал большой глоток виски, выдержал паузу и ткнул пальцем в оставшихся дамочек:

– А это что за хрень?

Действительно, обе девушки отличались от своих подружек более высоким ростом, крепкими мускулистыми ногами, широкими плечами. Кроме того, у одной из них на руках рельефно выделялись бицепсы.

– Трансы, – подтвердила подозрения Фитиля мамочка. – Сейчас это модно. Трансы есть в любой уважающей себя фирме.

– Знаешь, где я видал твою моду? – спросил Фитиль и тут же в нескольких крепких выражениях назвал мамочке адрес. – Пусть другие хоть всех своих баб поменяют на тран-

сов, а у меня они работать не будут! Разве что...

Не договорив, Фитиль поднялся, подошел к гибридам мужчины и женщины и резко ударил кулаком в живот ближайшего к нему трансa. Тот, охнув от боли, скрючился в три погибели.

– Нет, в охранники они тоже не годятся, слишком хлипкие. Пошли на хрен отсюда! – Фитиль от души залепил второму трансy ногой под зад и повернулся к мамочке. – А ты мне добудь еще пару девочек. Только не этих бывших мужиков, а нормальных женщин!

Глава 2

– Да, Борис, здоровья у тебя, как у молодого бычка, только руки к нормальному труду не приспособлены.

– Хотите сказать, дядя Федор, что они у меня из другого места растут, не как у людей?

– Ну, это уже будет слишком, хотя элементарные вещи тебе бы знать не мешало.

– Так ведь меня совсем другому учили, не строить, а разрушать. И в этой науке я многого добился, – посерьезнев, ответил Комбат.

– В таком случае немедленно забудь о своей науке, а то все, что мы делаем, развалится к чертовой матери! – шутиливо заметил дядька.

– Слушаюсь! – в тон ему ответил Борис.

– Тогда придержи бревнышко, а я его затешу.

– Это я запросто, – сильной рукой прижав бревно, второй Комбат достал из пачки сигарету, зажал губами и щелкнул зажигалкой.

Дядька умело заработал топориком – только стружки в разные стороны полетели. Его здоровью тоже можно было позавидовать. Дядьке перевалило за шестьдесят, а он уже несколько часов без усталости занимался строительством сарая. Конечно, самая тяжелая физическая работа перепадала Борису, который был на подхвате, но и дядька успел основа-

тельно намахаться.

Комбат глубоко затаился. Решение на время уехать из Москвы пришло к нему внезапно, когда Борис с удивлением обнаружил в своем почтовом ящике письмо. Этот анахронизм, практически исчезнувший в эпоху интернет-переписки, вызвал у Комбата ностальгические воспоминания. А когда он ознакомился с содержанием, добавилось чувство стыда. Борис перестал общаться с деревенскими родственниками после того, как провел себе Интернет. Так вышло. Комбат обменивался в сети посланиями с друзьями, а дядька и его семья выпали из поля зрения Бориса.

В письме родственник интересовался здоровьем Комбата, связав его молчание с болезнью, звал к себе подышать чистым воздухом и поправить здоровье медом с лечебными травами. Обозвав себя нехорошими словами, Борис отыскал несколько листов чистой бумаги и тут же накатал пространное послание, в котором сообщал, что у него все отлично, в том числе и с самочувствием. Однако дядька, кажется, не поверил. Ведь раньше племянник поддерживал с ним регулярную связь. К тому же Борис, чувствуя стыд, весьма туманно объяснил причины своего молчания. И родственник, желая расставить точки над «i», пустился на хитрость. Дядька прислал ответное послание, суть которого заключалась в следующем. Он рад, что Борис находится в добром здравии, тем более, что ему самому из-за возраста уже тяжело заниматься серьезной работой, а необходимо поставить новый

сарай. Не хочет ли племянник погостить у него пару недель, а заодно помочь со строительством.

Помочь человеку Комбат никогда не отказывался, тем более, если речь шла о родственнике. Хотя о том, как ставить сарай, он имел весьма смутное представление. Однако на месте выяснилось, что дядька в первую очередь интересовался состоянием племянника, а к работе даже толком не подготовился. Первую неделю Борис откровенно валял дурака, в меру своего умения наслаждаясь отдыхом. Поскольку рыбак из Комбата был примерно такой же, как из крота снайпер, много времени он проводил в лесу. Борис перенес туда свою традиционную утреннюю разминку, много бегал по лесным тропинкам, нашел удобную полянку, где проделывал комплекс специальных упражнений. Кроме того он долго ходил по лесу, наслаждаясь природой. Здесь, в трехстах километрах от столицы, различная живность худо-бедно существовала без губительного влияния человека. Белок Комбат замечал ежедневно, несколько раз спугивал косуль, а однажды обнаружил большую сову, затаившуюся на толстом нижнем суку большой сосны. Густые ветви давали тень, позволявшую хищнице в течение всего дня избегать яркого солнечного света. Борис осторожно подошел ближе. Если бы он захотел, то, наверное, смог бы, сделав рывок и подпрыгнув, ухватить сову руками. Но Комбат лишь внимательно разглядывал редкую птицу, замерев на месте.

Все же и здесь Борис ежедневно сталкивался со следом

ми человеческой жизнедеятельности. Слишком много людей желало отдохнуть на природе, а культура русского человека застыла на таком уровне, что его вполне можно назвать неандертальцем с плеером. Комбату повсюду встречались обрывки полиэтиленовых пакетов, которые, как известно, в природе разлагаются столетиями, пластиковые бутылки, другой мусор. А в субботу он наткнулся на развеселую компанию, с утра пораньше успевшую хорошо выпить и теперь выдумавшую странное развлечение. Рядом с поляной, где они разбили лагерь, росло около десятка молодых елочек. Молодые люди заспорили, сумеет ли кто-то из них срубить деревце с одного удара. Один, вооружившись топориком, приступил к варварскому занятию. Он успел погубить три елки, когда появился Комбат. Увидев печальную картину, Борис поинтересовался:

– Они тебе чем мешают?

Молодой парень взглянул на Комбата и, чувствуя поддержку двоих приятелей, дерзко ответил:

– А чем надо, тем и мешают. Вали отсюда, дядя, не мешай культурно отдыхать.

– Я свалю, без вопросов, только сначала оставь деревья в покое.

– Не лезь не в свое дело, а то! – юноша замахнулся топориком.

Он только угрожал, почти наверняка у него не хватило бы духа ударить человека так же хладнокровно, как бездушное

дерево. Но юноша был пьян, и этот момент следовало учитывать. Чуть отклонив корпус, Борис хлестанул ногой по челюсти молодого человека. Тот без сознания рухнул на травку. Когда друзья пострадавшего осознали происшедшее, Комбат уже завладел топориком и уверенно шагнул в их сторону. Раздался испуганный визг. Это подружки юношей решили придать инциденту достойное звуковое оформление. Причем когда кавалер одной из них замахивался топориком, девушки молчали, но стоило Борису завладеть опасным оружием труда, и они устроили шумную истерику.

– Тихо, детишки! – с улыбкой сказал Комбат. – Я не собираюсь делать с вашими бойфрендами то же самое, что они утворили с елочками. Я хочу сказать вам элементарную вещь. Если вы будете так варварски относиться к природе, вашим детям и внукам достанутся отравленные реки и безжизненные пустыни вместо лесов. А теперь отдыхайте, только по-человечески.

Возвращаясь обратно, Комбат подумал о том, что одними словами наших людей не проймешь. Человек должен испытать все прелести бездумного отношения к природе на собственной шкуре. Нужны какие-то особенные меры против осквернителей окружающей среды. Допустим, если человек оставил после себя горы мусора, отправить его на свалку. Пусть он поживет там денька три, на собственном горьком опыте убедится, что необходимо бережно относиться ко всему живому.

Только в начале второй недели дядька вплотную занялся сараем. Он возводил нехитрое сооружение основательно, будто на века, хотя его дети, два сына и дочь, давно перебрались в город, и никто из них не собирался продолжать дело отца, возвращаться в деревню.

Завершение строительства по русскому обычаю следовало отметить. Дядька затопил баню. Комбат, смыв грязь, устроился в парилке. Дядька, придирчиво осмотрев несколько веников, принялся азартно хлестать забравшегося на поллок племянника. Затем они поменялись ролями и, разомлев, еще какое-то время посидели на самой верхотуре, где концентрировался самый жар.

– Ну и какая разрекламированная сауна устоит супротив русской бани! – растираясь полотенцем, заявил дядька.

Комбат из вежливости согласился, хотя больше всего он любил, разогревшись до невозможности, занырнуть в бассейн и немного поплавать. У дядьки, разумеется, бассейна не было и в помине, охлаждались они, стоя под самодельным душем, в котором текла вода из поставленных сверху бочек.

– Попарились? Теперь быстро за стол, – встретила мужчин жена Федора.

А на столе стояла запотевшая бутылка водки, окруженная разнообразными вкусностями домашнего приготовления. Тут и хрустящие огурчики, и помидорчики, и маринованные грибочки, и сальце домашнее, тающее во рту, и самодельная буженинка. Под такую закуску да на свежем воз-

духе бутылка сорокаградусной ушла со свистом. Комбат даже толком не запьянел. Дядьку, конечно, слегка развезло, и он ударился в горделивые рассуждения касательно своего и Бориса рода:

– Мы, Рублевы, всегда славились разными умениями. Нас помещики ценили на вес золота. Недаром дали такую фамилию. Ведь не Копейкины или Пятаковы, а, – дядька наставительно поднял вверх большой палец, – Рублевы! Ты знаешь, Боря, сколько можно было купить за рубль в старые времена?

– Да уж побольше, чем на нынешний доллар.

– Не то слово, племянш! Когда-то за рубль можно было целый месяц жить и еще оставалось. Эх, были времена! Ни олигархов, ни химии в речках, ни рекламы по телевизору! Красота, чистота!

– Телевизоров тоже не было, – подсказал Комбат.

– Да? Ну что ж, у каждого времени свои недостатки. Зато в каждом доме бегала дюжина спиногрызов, мал мала меньше. А сейчас только смотрят по телевизору передачи про секс, а чтобы самим этим делом заняться, так кишка тонка.

– Не кишка, дядя Федя, кишки немного для других вещей предназначены, – снова поправил родственника Борис.

– А-а-а, какая разница! Главное, что суть понятна. Не сиди, наливай.

– Нечего наливать, пустая бутылка.

– Ерунду говоришь, племянник! В этом доме всегда найдется, чего налить. Погоди, я сейчас.

Дядька начал вставать, но был тут же перехвачен женой:

– Хватит уже. Посмотри, тебя шатает.

– Это от ветра, а я сам трезв, как стеклышко.

Комбат понял, что настала пора вмешаться, иначе супруги могли устроить настоящий скандал.

– Дядя Федя, давайте лучше выпьем чайку. Мне ведь завтра домой возвращаться, неизвестно, как я с бодуна перенесу дальнюю дорогу.

Вмешательство Бориса переломило ситуацию. Дядька уgomонился, и вскоре мирно прихлебывал чай, продолжая вечную для людей в возрасте тему – о том, как хорошо было раньше, и насколько плохо стало в нынешнее время. Утром Комбат не без сожаления распрощался с родственниками и отправился домой.

Глава 3

Ресторан считался одним из самых лучших и дорогих в столице. Чтобы посидеть здесь скромненько, без излишеств, требовалось около тысячи баксов. По своей инициативе Фитиль захаживал в такие заведения по очень большим праздникам, но сегодня его пригласил друг еще школьных лет Артур Юдин. Артур с переменным успехом занимался бизнесом, то умудрялся сорвать куш, то прогорал, но при любом раскладе всегда имел в кармане приличную сумму денег. Ведь за его спиной стоял отец, круто поднявшийся на лесозаготовках. Он при первом же требовании снабжал любимое чадо наличностью. Впрочем, Артуру было куда ее тратить, и не так уж хорошо он относился к другу детства, чтобы поить его в шикарном кабаке. У Артура к Фитилю возникло серьезное дело, это бы понял даже человек, абсолютно не обремененный интеллектом. Но Фитиль не шибко заморачивался по этому поводу. Выпьет и закусит он с удовольствием и даже поможет Юдину, если сумеет без проблем выполнить его просьбу. Если же Артур захочет слишком многого, будет ему на десерт вежливый, но категорический отказ.

Друзья устроились за столиком в нескольких шагах от сцены. Чувствовалось, что Юдин здесь уже бывал, причем несколько раз. Он уверенно сделал заказ и повернулся к Фитилю:

– Ну, давай, пока есть время, поговорим за жизнь. Скоро начнется стриптиз, а здесь такие девочки, что глаз не оторвать. Как твои дела?

– Еще бы! Не хватало выпустить на сцену кривоногих и безгрудых уродок! Да за такие бабки здесь должны выступать исключительно королевы красоты, – подумал Фитиль и лаконично ответил на вопрос Юдина: – Дела идут нормально, на жизнь зарабатываю.

А что еще он мог сказать? В подробностях расписать то, как функционирует бордель, сколько девочек стоит у него на улице, замерзая в холод, промокая под дождем и рискуя нарваться на жестокого маньяка?

Затем Фитиль в свою очередь поинтересовался делами Артура. Тот оказался более откровенен. И в самом деле, что ему скрывать? Ведь папаша Юдина, решив, что сам нагрешил вполне достаточно, категорически потребовал от сына вести дела честно.

– Будь уверен, даже если начнешь прогорать, я тебя всегда подстрахую, выручу советом и деньгами. Но если ты вздумаешь заняться сомнительными махинациями, не получишь от меня ни цента, – напутствовал он сына, когда тот решил начать собственное дело.

Артур хорошо изучил характер отца и действовал честно даже тогда, когда имел возможность одним ловким движением, довольно расплывчато описанным в Уголовном кодексе, заработать пару десятков тысяч долларов. Но что значили

эти жалкие суммы по сравнению с отцовскими миллионами! И молодой человек сидел тихо, не рыпался.

– Дела пошли в гору. Я вовремя подсутился с последними моделями смартфонов. Какое-то время публика раскочегаривалась, но теперь расхватывает их, как горячие пирожки. Продажи смартфонов с лихвой покрывают убытки от реализации обычных мобильных.

– Странно, – молвил Фитиль.

– Что именно?

– Теперь даже пенсионеры и сопливые дошколята шастают с мобильниками. Спрос должен быть сумасшедший. Почему у тебя от них убытки?

– Это же любому известно. Большинство «мобил» оказываются в стране по черным и серым схемам. Поэтому стоят они дешевле, чем легальные аппараты, которыми я торгую.

– А что тебе мешает работать, как все?

– Иногда выгоднее оставаться белой вороной, – туманно ответил Артур.

Фитиль не стал добиваться разъяснений. В его бизнесе люди всегда говорили только то, что считали нужным, и задавать лишние вопросы считалось ну очень дурным тоном. К тому же началось представление, и на сцену выпорхнула первая стриптизерша. Увидев ее, каждый полноценный мужчина невольно задавался вопросом:

– Какие идиоты определяют самых красивых женщин мира? Почему этим званием с упорством, достойным лучшего

применения, награждают Анжелину Джоли? Только потому, что она снимается в американских блокбастерах?

Анжелка и в подметки не годилась девушке, начавшей исполнять свой номер. Какие ножки, какое тело, какое очаровательное личико. И гибкость, достойная лучшего применения, чем танцы вокруг шеста.

Фитиль поневоле сравнил красотку с девушками из своего борделя и на время лишился аппетита, что было непозволительной глупостью, учитывая стоявшие рядом с ним деликатесы.

– Что, язык проглотил? – спросил Юдин с легкой иронией, вполне уместной в отношениях старых Друзей.

Артур, действительно, был единственным человеком, с которым Фитиль поддерживал приятельские отношения без малого тридцать лет. Сошлись они еще в младших классах, каждый пытаясь найти в друге то, чего не было у него самого.

Папашка Артура в те годы работал важным чиновником, одновременно подготавливая свое превращение в удачливого бизнесмена. Таких людей-оборотней в российской экономике оказалось более чем достаточно. Ткни пальцем в толпу бизнесменов, и каждый второй окажется в прошлом сотрудником одного из министерств или партийно-комсомольского аппарата. В доме Юдиных царило изобилие, явившееся сказочным откровением для Фитиля, чей отец вполне мог повторить фразу героя известного анекдота:

– Если повысят цены на спиртное, я не стану меньше пить.

Это ты, сынок, будешь меньше есть.

Именно тут Фитиль, которого тогда звали просто Вова, впервые попробовал бутерброд с икрой и настоящий «Киевский» торт. Что характерно – икра ему понравилась больше, так как напоминала настоящую еду. А торт был баловством, сладким десертом, к которому Вовик был непривычен.

То есть с Фитилем все ясно. Он старался держаться поближе к Артуру, чтобы иметь возможность попользоваться частичкой благ, щедро сыпавшихся на одноклассника. С Юдиным было еще проще. Его мать, всей своей жизнью подтверждавшая тезис о том, что ум женщины обратно пропорционален ее красоте, бездумно тряслась над сыном, вызывая доктора при малейшем его чихе, категорически запрещала рискованные мальчишечьи игры, в которых ненаглядный сыночек мог получить травму. Из-за этого Артур, с младенчества не отличавшийся богатырской статью, рос слабым и тихим ребенком. А Вовик был, как сейчас говорится, в авторитете, лидером своего класса, и в школе среди погодков имел единственного равного противника, с которым они периодически схлестывались в кулачной потасовке. Артур своим детским умишком быстро сообразил, что он мигом перестанет получать затрещины и подзатыльники, если окажется под надежной защитой самого сильного мальчика в классе. Поначалу именно расчет являлся главной и единственной движущей силой их сближения. По натуре и образу жизни мальчики казались совершенно разными. Вовик был типич-

ным сорвиголовой, он днями пропадал на улице, частенько выдумывая и осуществляя различный проказы, на которые соседи устали жаловаться его родителям. Артур большую часть времени проводил дома, читая книжки и смотря фильмы по диковинному для того времени видеомагнитофону.

Но выяснилось, что Вовик просто не знал иного способа времяпрепровождения. У него оказался пытливый ум, а врожденной сообразительностью он даже превосходил своего друга. Артур пристрастил его к чтению книг, сначала приключенческих и фантастических, а к старшим классам и более серьезных. У ребят нашлись общие интересы, общие увлечения. И тут произошло скорбное для приятелей событие. Юдин-старший, превратившийся в состоятельного бизнесмена, переехал в собственный дом, а сына определил в только что открывшуюся элитную школу. С того дня мальчики стали видаться гораздо реже, однако поддерживали дружеские отношения...

– Володя, а ты не пробовал совмещать два занятия одновременно? – спросил Юдин, щедро подливая Фитилю дорожный коньяк.

Тот, увлеченно наблюдая за выходом новой стриптизерши, мотнул головой.

– Так попробуй. Давай выпьем за успех всех наших дел!

Фитиль сделал глоток и хотел поставить бокал на стол, но Артур перехватил его руку:

– Ну что же ты, Вовик! Надо до дна, а то не будет успеха

в делах.

Пришлось Фитилю осушить бокал. Да, мог ли он когда-нибудь подумать, что будет пить элитное спиртное без всякого удовольствия. Но жизнь успели приучить его к осторожности. Когда Артур обратится к нему с просьбой, надо оставаться трезвым. А то дашь спьяну обещание, и потом вовек не расхлебаешься!

Юдин завел серьезный разговор, только когда они вышли из ресторана. Боялся лишних ушей, поскольку его затея шокировала даже выдавшего виды Фитиля.

– Что ты сказал? – решив, что ослышался, переспросил он, когда Артур после короткого вступления перешел к сути дела.

– Надо убрать моего папашу. За это я готов заплатить сто тысяч баксов, – окрепшим голосом повторил Юдин.

– Ишь, ты! И откуда у тебя возьмется столько бабок?

– Возьмется, не сомневайся, – уверенно сказал Артур.

– Допустим. Тогда разреши спросить на правах старого друга: у тебя с головой все в порядке?

– Тебе нужна справка от психиатра? – ядовито поинтересовался Юдин.

– Мне просто интересно. Олег Михайлович – хороший человек и главная твоя опора в этой жизни.

– Козел он, а не опора. Мерзавец и старый потаскун! – повысил голос Артур.

– Тише, тише, зачем кричать? Ты же сам опасался чужих

ушей.

– Извини, накипело!

Из дальнейших расспросов выяснилось, что уже несколько лет отец Артура вел довольно свободный образ жизни. Он, как говорится, забил на семью, все свое время отдавая работе и любовницам. Но Юдин-старший не планировал разводиться, и будь супруга Олега Михайловича умнее, она бы сохранила подобие семьи, свой шикарный образ жизни. Увы, женщина жила прошлым, отказываясь понимать, что ее лучшие годы ушли и она безнадежно проигрывает хищным молоденьким красоткам. Стоило Олегу Михайловичу оказаться дома, как жена закатывала ему скандалы, то заходясь в истеричных рыданиях, то бросаясь на мужа с кулаками. Такая ситуация бизнесмена категорически не устраивала, и он пригрозил разводом. Но жена и после этого не успокоилась. А надо сказать, что за несколько лет до этого Олег Михайлович виртуозно кинул супругу, уговорив подписать брачный контракт. Отлично зная характер жены, он привел неотразимые для нее аргументы: брачные контракты заключаются во всем цивилизованном мире, их подписывают самые знаменитые эстрадные артисты и кинозвезды. Супруга, от безделья проводившая кучу времени у телевизора, клюнула на дешевую приманку. А ловкий адвокат Юдина составил контракт таким образом, что у бизнесмена оставалось его дело и нажитые капиталы. Супруге же целиком отходил дом.

– Нормально. Он ведь стоит около миллиона баксов, – от-

реагировал Фитиль.

– Полтора, – уточнил Артур. – Но это мелочь по сравнению с отцовским состоянием. Теперь ты понимаешь, что моего папашку, эту гниду, надо раздавить как можно скорее. Если он женится на молодой шалаве, все бабки уйдут чертулысому.

– Ну, ему сначала надо развестись. Время еще есть, – возразил Фитиль и задумался.

Конечно, сто тысяч баксов – сумма заманчивая. Тем более что это не предел. Его школьного дружка можно расколоть и на зеленый лимон. Только затея крайне рискованная. Менты в последнее время раскрывают убийства все чаще, а люди Фитиля никогда не занимались серьезными мокрухами, вероятность провала угрожающе велика. Тем более, что ликвидация известного бизнесмена вызовет широкий резонанс, сыскари будут землю рыть в поисках убийц. Поэтому глупо разевать рот на кусок, которым легко подавиться. Лучше взять с Артура те же сто тысяч, но только за посредничество. И найти серьезных профессионалов, которые устранят проблему.

Глава 4

В студенческие годы Комаров мечтал о выдающихся научных открытиях, славе, Нобелевской премии. Ему грезилось, как он совершает переворот в биологии, его имя высекают золотыми буквами в летописи науки рядом с именами Мечникова, Пастера, Дарвина. С годами пришло понимание, что гением или хотя бы корифеем ему не стать. Лишь к тридцати пяти с грехом пополам Комаров накропал кандидатскую диссертацию. И тут ему подфартило. Замученные хроническим безденежьем, лучшие институтские умы подались за границу. Кто на заработки, а кто навсегда. Появились вакансии, и свежеиспеченного кандидата наук назначили заведующим лабораторией. Совсем недавно подобный нонсенс казался невозможным. Завлабами становились исключительно доктора наук. Отток лучших сил в корне изменил ситуацию. Впрочем, Комаров твердо решил обзавестись соответствующими корочками. Все благоприятствовало исполнению его желания. Находившиеся в подчинении Комарова сотрудники лаборатории вполне подходили на роль рабочих лошадок. Оставалось найти тему, удовлетворяющую требованиям госзаказа и при этом достаточно перспективную в смысле написания докторской диссертации. С темой помог директор института, маститый ученый, который ввиду преклонного возраста предпочел заграничным странствиям руководство

крупным НИИ.

Несмотря на обилие исполнителей, с диссертацией Комаров возился долго. Сказывалось отсутствие Божией искры, таланта, умения мыслить широко, масштабно. Зато ученый отличался усидчивостью и способностью упорно двигаться к намеченной цели. Только цель оказалась не столь заманчивой, как в былые годы. Зарботки ученых резко сократились, они лишились большинства своих привилегий, престиж науки заметно упал. А Комаров был не из тех, кого интересовали исследования сами по себе. От своей деятельности он жаждал материального благополучия, всевозможных льгот, уважения в обществе. Комаров хорошо помнил, как много лет тому назад случайно оказался в квартире маститого ученого, академика, лауреата Государственной премии. Молодой человек был потрясен, шокирован, изумлен до невозможности. Он думал, что так живут лишь зажавшиеся буржуи на загнивающем Западе. В одной комнате легко бы поместилась вся квартира родителей Комарова. А таких комнат было три, и жили в них только академик с женой.

Обстановка тоже впечатляла солидной роскошью. В одной комнате стояла старая, еще дореволюционная, но еще вполне добротная мебель, в другой – шикарный современный гарнитур. Знающие люди потом сказали, что из Италии. Третью комнату, бывшую спальней, Комарову увидеть не довелось. Но и без того впечатлений ему хватило на несколько лет. Ими он поделился с родителями. Мать восторженно за-

охла, а отец, нахмурившись, зло сказал:

– Социальная справедливость, мать ее! Вроде, мы оба вкалываем по восемь часов в день, только мне на четверых дали убогую двушку, а ему на двоих – трехкомнатные хоромы. Вот оно, бесплатное жилье, когда баре жируют за счет простых работяг! А представьте, в каких квартирах живут партийные начальники!

С тех пор много воды утекло. Теперь Комаров не мог даже мечтать о комфортном бесплатном жилье. Хорошо еще – зарплату существенно повысили, а то одно время они с женой и дочкой всю ее отдавали на продукты. Хотя с докторской вышла беда – по аналогичной теме защитился молодой новосибирский ученый, и Михаилу Эдуардовичу пришлось перекраивать большую часть работы – благодаря увеличившейся государственной поддержке науки Комаров мог даже позволить себе отдохнуть в Турции или Египте, но все же это было совсем не то, о чем ему мечталось в институте.

На всех научных конференциях и симпозиумах ученый пытался заводить полезные знакомства с иностранцами, надеясь с их помощью получить солидный грант на проведение исследовательских работ. Однако почти все его попытки оказались безуспешными. Западные научные деятели все, как на подбор, были людьми серьезными и деньгами не разбрасывались. Ознакомившись с немногочисленными статьями Комарова, опубликованными в иностранных журналах, они вежливо, но решительно ему отказывали. Его научная

квалификация вполне резонно вызывала у них сомнения. Комарову лишь дважды удалось заполучить заграничную помощь, и оба раза на смешные даже по российским меркам деньги. Этих подачек едва хватило, чтобы купить новый диван и поставить шкаф-купе. Комаров даже поклялся сгоряча никогда больше не работать на заграничного дядю.

Поэтому его сильно возмутило, когда лучшая сотрудница лаборатории, умница и красавица Верочка Елагина занялась каким-то американским проектом, о котором узнала из Всемирной паутины, причем на абсолютно безвозмездной основе. О научном грехопадении Елагиной Комарову достоверно сообщил непосредственный Верочкин руководитель, пенсионного возраста кандидат наук. Благодаря его подсказке Комаров застукал Елагину на месте преступления и ядовито поинтересовался, по какому праву она расходует казенные реактивы и собственное время на крайне сомнительные эксперименты. Верочка тут же начала робко оправдываться. По ее словам, американцы пообещали уже в ближайшие месяцы выделить хорошие деньги людям, наиболее приблизившимся к решению проблемы.

– Ага, выделяют! Тысяч десять баксов, которых едва хватит на химреактивы для твоих опытов, – саркастически отозвался Комаров и, смягчившись, так как присутствие красивой женщины всегда улучшает настроение мужчины, спросил: – А в чем суть исследований?

– Понимаете, Михаил Эдуардович, при снижении темпе-

ратуры ниже нуля градусов жидкость, находящаяся в живом организме, кристаллизуется, рана ткани. Теоретически можно охладить человека до отрицательной температуры, но образовавшиеся кристаллы необратимо повредят все органы. Задача исследований – создать вещество, специальный антифриз, который бы препятствовал образованию кристаллов. В природе такой антифриз уже есть, ведь рептилии и амфибии, являющиеся холоднокровными животными, умудряются выживать при температурах ниже тридцати градусов.

– Согласен. Только на кой ляд это надо? Отправлять космонавтов в дальние полеты к Юпитеру или Сатурну? Очень похоже. Даже если человек будет питаться концентратами, за многолетний полет уйдет несколько тонн еды. Это огромная дополнительная нагрузка для ракеты-носителя. Кроме того, если экипаж проведет годы в ограниченном пространстве, возможны серьезные конфликты вплоть до смертоубийства. А заморозить людей – милое дельце! Ни расхода еды, ни конфликтов. Только все это, милочка, прожекты. До полетов на Юпитер в лучшем случае доживут наши внуки. Думаю, ваши заокеанские благодетели вскоре свернут проект, и никакого субсидирования вы не дождетесь. Поэтому как ваш руководитель требую прекратить сомнительные эксперименты и заняться вашей непосредственной работой.

– Так я же параллельно, – начала оправдываться Елагина.

– Да хоть перпендикулярно! Я принял решение, разговор закончен.

Но то ли Верочка ослушалась завлаба и втихаря продолжила эксперименты, то ли успела добиться заметных результатов до его запрета и сообщила заказчикам, однако через год американцы выделили лаборатории грант на решение проблемы антифриза. И не жалкую десятку, а ровно сто тысяч долларов только авансом. Тут уж Комаров засуетился, поскольку в случае успеха заокеанцы посулили еще двести тысяч зеленых – сумма для обычной российской лаборатории просто сказочная.

Сразу нарисовалась проблема – как совместить новые исследования с плановой научной работой, которую никто не отменял. Ведь Михаил Эдуардович не мог пойти к директору института и честно сказать:

– Уважаемый академик! Тут нам янки готовы отстегнуть кругленькую сумму. Поэтому извиняйте, но остальные дела мы похерим до лучшего будущего.

После таких слов его бы тут же убрали с завлабства или, в лучшем случае, настоятельно посоветовали обратиться к психиатру.

Впрочем, особой изобретательности в деле совмещения работ от Комарова не потребовалось. Все уже было придумано и обкатано для него. Ведь наука – дело тонкое, невозможно заранее предугадать результаты любых исследований. Неудачи случаются гораздо чаще прорывных открытий. Поэтому Михаил Эдуардович оставил на плановых темах худших сотрудников лаборатории, обычно используемых для

выполнения черновой работы. Мысленно он уже представил годовой отчет, где негативная информация будет подана в самом лучшем свете. Комарову уже приходилось делать из известной субстанции конфетку, и он особо не заморачивался по этому поводу. В конце концов, задолго до него было сказано «если они думают, что они нам платят, пускай считают, что мы для них работаем».

Лучшие силы завлаб бросил на битву за антифриз. Первым делом он вызвонил знакомого герпетолога и посулил ему тысячу баксов за десяток пойманных ужей. Благо, время было подходящим, начало октября. Мысль о лягушках Комаров с сожалением, поскольку этих амфибий он мог получить даром, отмел. Насколько он помнил из университетского курса, лягушки зимуют на дне водоема, то есть температура их тела остается положительной.

У пойманных рептилий взяли кровь, затем погрузили в состояние искусственной спячки и взяли кровь снова. Образцы исследовали на газовом хроматографе и еще нескольких приборах.

Казалось, ученые добились нужного результата. Они выделили субстанцию, которая появлялась в крови ужей, впавших в спячку. Эта субстанция, введенная подопытным мышам, предотвращала кристаллизацию жидкости в организме грызунов. Несколько вскрытий наглядно продемонстрировало, что все органы размороженных мышей остаются целыми и невредимыми. Лишь один нюанс помешал триумфу Кома-

рова, свел на нет усилия научной группы. Выделенный антифриз почему-то действовал, как смертельный яд. Все мыши, которым его ввели, умирали к моменту заморозки. То ли метаболизм холонокровных и теплокровных животных имел принципиальное отличие, то ли при синтезе антифриза ученые допустили серьезную ошибку. По большому счету Комаров мог утверждать, что сто тысяч его люди отработали. Но для того, чтобы получить еще двести, надо было устранить летальное действие антифриза.

Глава 5

День не заладился с самого утра. Сначала забарахлил «БМВ» Фитиля, и ему, как последнему лоху, пришлось воспользоваться городским транспортом. Затем, вроде, жизнь устаканилась. Мамочка порадовала его кругленькой суммой, заработанной вчера девочками. Мужики будто целый день жрали одну «Виагру», шли косяком. А под вечер Фитилю удалось с большой для себя выгодой решить затянувшийся спор с Бандерлогом. Причем Бандерлог, казавшийся толковым пацаном, так обрадовался заключенному соглашению, что зазвал Фитиля к себе отметить это дело. Даже посулил отпадных девочек из элитного борделя. Хотя у Фитиля хватало своих путан, он редко отказывался от чужих, особенно из элитного борделя, и даже намекнул Бандерлогу, куда лучше обратиться.

Но вместо девочек явился какой-то тип, тощий, узкоплечий, с длинными, как у музыканта, пальцами. Фитиль к этому времени уже был хорошо на взводе, хотя выпил какую-то ерунду, граммов двести. Вместе с тощим образовалась классическая троица, но только чисто внешне, а на самом деле его приход только разъединил компанию. Фитиль тощего увидел впервые и старался держать язык за зубами. Бандерлог сначала попытался развеять обстановку, но затем махнул на это дело рукой и предложил:

– А не сыграть ли нам в картишки?

И выразительно посмотрел на Фитиля. Тот истолковал взгляд однозначно. Обещая девочек, Бандерлог на тощего не рассчитывал. Но и выпроваживать гостя так сразу запахло. Для приличия надо еще часок с ним помаяться, а затем отправить восвояси. Поэтому Фитиль без раздумий принял неожиданное предложение. Тощий, слегка поколебавшись, тоже.

Картежник он был ниже среднего, и, по мнению Фитиля, Бандерлог избрал замечательный способ избавления от нежеланного гостя. Лишившись большей части денег, тощий сам будет радешенек унести отсюда ноги.

Поначалу все шло именно к этому. За десять минут тощий спустил триста баксов.

– Давайте выпьем, закусим, – предложил он, используя древнюю, как мир, уловку – надо сделать перерыв, после которого удача может повернуться к тебе лицом.

Выпили, закусили, но тощему это помогло, как мертвому припарки. А Фитиль внезапно ощутил огромное воодушевление, больше похожее на кайф от наркоты. Мысли о девочках куда-то исчезли, их сменило острое желание опустошить карманы незнакомца, оставить его в дураках. Фитиль азартно погрузился в игру, она захватила его целиком и полностью. Раньше с ним такого никогда не случалось, но он был слишком далек от того, чтобы проанализировать свое подзрительное состояние. Фитиль яростно шлепал картами, гля-

дя, как рядом с ним растет кучка иностранной валюты, и когда тощий заговорил о новом перерыве, жестко отбрил его:

– Играй, давай! Выпьешь по ходу дела.

И тут же опрокинул стопку, услужливо налитую Бандерлогом.

Минут через двадцать уже сам Фитиль потребовал остановки. Фортуна резко повернулась к нему спиной, да не просто повернулась, а совершала телодвижения, являвшиеся верхом неприличия. Стопка наличности перед ним исчезла, будто ее высосали мощным пылесосом. Хуже того, Фитиль успел заметно опустошить свой бумажник. Ему даже не верилось, что это могло произойти так быстро. Бандерлог протянул Фитилю бутерброд с ветчиной, а тощий, который, наконец, поймал удачу за хвост, заторопил:

– Поехали дальше. Моя раздача.

Езда принесла Фитилю сплошное разочарование. Раза два или три ему удалось выиграть, но это было каплей в море по сравнению с обидными поражениями. Фитиль использовал все известные ему способы, чтобы вернуть картежное счастье, но его шаманские уловки оказались столь же эффективны, как рогатка при охоте на медведя. В один прекрасный момент бумажник Фитиля опустел, но это не стало поводом для прекращения игры. Охвативший его азарт был так велик, что он без колебаний заявил:

– Играю в долг на...

– Нет, в долг не годится, – брезгливо сморщив лицо, воз-

разил Бандерлог. – Давай на желание.

– Какое? – поинтересовался Фитиль, но стремление отыгаться было настолько сильно, что он вполне удовлетворился ответом:

– Одно-единственное.

Через несколько минут к Фитилю вернулась удача. Но это случилось уже после того, как он проиграл партию на желание. Бандерлог не торопился его озвучивать. Только когда Фитиль отыграл все свои деньги и заметно опустошил бумажники других игроков, тощий категорически заявил:

– Все, хватит! Я пуст.

– Хватит, так хватит, – с неожиданной легкостью согласился Бандерлог и повернулся к Фитилю:

– Надеюсь, ты помнишь, что за тобой желание.

– Естественно, – буркнул Фитиль, у которого за последние десять минут чудесным образом испарился весь азарт, сменившись мрачным безразличием. – Хотелось бы услышать, какое именно.

– Да так, ерунда. Надо одного мужика замочить.

– Что! – взвился Фитиль. – Да ты совсем ошизел! Нашел мокрушника, блин! Я в жизни такими делами не занимался!

– Надо же когда-то начинать, – хладнокровно парировал Бандерлог. – Ты сам согласился играть на желание, никто тебя не заставлял. У меня и свидетель есть.

И здесь Фитиль совершил последнюю ошибку. Он начал торговаться, будто последняя базарная торговка, суля от-

ступные за отмену Бандерлогом своего решения, а когда тот остался непоколебим, ушел прочь, изо всех сил саданув дверь на прощание.

Утром, окончательно придя в себя, Фитиль понял, что его развели, как сопливого пацана. Выгодное решение застарелого спора, застолье, явление тощего, карточная игра – это были звенья одной цепи. И странная эйфория, наступившая после детской дозы выпивки, объяснялась до обидного легко – Бандерлог подмешал ему какую-то дрянь, срывающую все тормоза. Но у Фитиля еще оставался шанс, когда закончилось действия стимулятора. Надо было взять себя в руки и вместо бессмысленных разборок забрать карты. Наверняка они крапленые. Но, как говорится, поздно пить «боржом». Судорожные поиски Фитилем путей спасения закончились бредовой идеей, вызвавшей у него кривую улыбку.

– Придет же такое в голову – сдать кровь на анализ.

Веселенькое было бы зрелище, если бы он предъявил братве медицинскую справку о содержании в крови остатков наркотических веществ.

– Нет, наши авторитеты еще не поднялись до такого уровня цивилизованности, чтобы на разборках считать доказательством официальные документы, – усмехнулся Фитиль собственным мыслям.

И тут же подумал о том, что за последние дни уже второй человек раскалывает его на мокруху. Если дело пойдет так и дальше, придется сменить девочек на команду высокопро-

фессиональных киллеров.

Глава 6

Начало было положено несколько десятилетий тому назад в такой верующей и богопочитающей стране, как Америка. Да-да, в тех самых Соединенных Штатах, где слова Джона Леннона «мы сейчас популярнее Иисуса» вызвали бурю протеста, массовые демонстрации, даже угрозы убийства великого битла. Однако кроме христиан, мусульман, буддистов и сторонников учения Вуду в Америке оказалось достаточно атеистов, что наглядно доказали первые опыты по замораживанию людей. Не сказать, чтобы очередь из желающих растянулась от Бостона до Сан-Франциско, но замороженные обеспечивали существование нескольких специализирующихся на этом компаний. То есть часть американцев свято веровала – но не в Бога, а в гигантский прогресс человечества, которое рано или поздно достигнет таких вершин научной мысли, что шутя оживит своих далеких предков. И в вечную силу денег, а иначе на кой ляд потомкам оживлять далеко отставших в своем развитии представителей рода человеческого. Ну разве что воскресят одного ради интереса – и будет!

Поначалу замораживались только покойники, при жизни заплатившие кругленькую сумму за свое гипотетическое счастливое будущее, но потом очередь дошла и до среднего класса. Это свидетельствовало о стабильном и возрастаю-

щем спросе. О конкуренции с традиционной медициной не шло даже речи, однако изредка стали попадаться индивиды, пускавшие во все тяжкие, лихо выпивавшие, кутившие, вступавшие в беспорядочные половые связи и на все вопросы о здоровье беспечно отвечавшие:

– Ерунда! В следующей жизни меня омолодят и избавят от дурных привычек.

Возникло даже подобие нового обряда, отдаленно напоминавшее обряды древних времен. Около капсулы с телом усопшего клали его любимые вещи, аналогов которым могло не оказаться в отдаленном будущем. Оставалось рядом заморозить жену, и сходство с похоронами древнего вождя стало бы максимальным.

К новому тысячелетию в Штатах функционировали два криогенных центра, где хранилось более тысячи тел. Еще несколько тысяч человек по их завещанию ждали заморозки. К этому времени идеологи крионики успешно решили юридические нюансы. После нескольких судебных разбирательств заморозку постановили считать новым способом захоронения. Только конченый оптимист мог посчитать крионику успешным бизнесом, но и при этом ее ожидал коварный удар. По традиционной методике в тело закачивалась специальная жидкость, предотвращающая кристаллизацию даже при очень низких температурах. Понятно, что человек с антифризом вместо крови не жилец. Но разве это имело значение? Ведь антифриз закачивался уже покойнику.

Главным считалось спасти органы от разрушительного действия кристаллов. И в первую очередь мозг, повреждение которого грозило утратой личности замороженного.

Все дальнейшее считалось делом техники наших далеких потомков. Им следовало убрать антифриз, заменить его свежей кровью и оживить человека. Сущие пустяки!

И тут произошло событие, поначалу оставшееся незамеченным в мире крионики. Молодой биохимик Ян Хилл опубликовал научную статью, в которой говорилось о создании принципиально нового способа заморозки. Он создал вещество, добавление которого в кровь позволяло замораживать живых существ до температуры минус сорок градусов без кристаллизации жидкости. Подопытные сурки благополучно ожили после оттаивания. Одно время казалось, что работа Хилла бесконечно далека от судеб замороженных. Какая разница покойнику, что закачают в его тело. Да и хранить мертвеца в жидком азоте как-то надежнее.

И тут на арену выступил некто Дерек Олдмен, известный медийный деятель, в совсем недавнем прошлом очередник одного из центров крионики. Дерек был вполне обеспеченным человеком, его состояние оценивалось в тридцать миллионов долларов. И он обладал даром убеждать людей.

Олдмен снял рекламный ролик, где выступил в главной роли, и разместил его на четырех телеканалах, аудитория которых состояла преимущественно из пожилых людей.

– Что тут больше, глупости или слепой веры в могуще-

ство наших потомков? — вопрошал Дерек после короткого вступления. — Я искренне верю, что когда-то человечество научиться излечивать все болезни, увеличит продолжительность жизни в десятки раз. Но воскрешать человека из мертвых под силу только Господу нашему. И те деятели центров крионики, которые утверждают, будто замороженные ими люди через несколько столетий получают новую жизнь, богохульствуют и покушаются на основы веры. Не поддавайтесь их дьявольскому искушению! Мы предлагаем вам новый путь. Мы предлагаем его тем людям, которые устали бороться со своей болезнью, которых ужасающие ежеминутные страдания доводят до безумия, которые упрашивают врачей дать им яда. Не надо яда! Мы избавим вас от мучительных болей, от тягот нынешнего бытия. Мы переправим вас в счастливое будущее, где волшебные достижения медицины вернут вам здоровье. Для этого не надо умирать, достаточно обратиться по указанному на экране телефону.

Для большинства граждан Америки ролик Олдмена прошел незамеченным, однако в определенных кругах произвел эффект разорвавшейся бомбы. Сотрудники традиционных центров крионики почувствовали нависшую над ними угрозу. В большинстве своем они пытались хорохориться, глубокомысленно заявляли:

— В человеке, как и любом животном, очень силен инстинкт самосохранения. Люди цепляются за жизнь до конца, даже оказавшись в критической ситуации. Пусть Олд-

мен ищет дураков для своей заморозки. Хорошо, если найдет еще одного такого, как он сам.

Поначалу создалось впечатление, что они правы. Оказалось слишком мало желающих испытать на себе препарат Яна Хилла. Помощь пришла оттуда, откуда не ждали. Олдмена привлекли к судебной ответственности. В поданном против него иске новый способ заморозки приравнивали к эвтаназии, запрещенной в Соединенных Штатах. Разразился судебный процесс, ставший самым громким за последнее время благодаря своей необычности. Нанятые Дерекком опытные адвокаты, запутав оппонентов в юридической казуистике, убедительно доказали, что заморозка не является одним из способов убийства человека, а, напротив, дает людям шанс на новую и долгую жизнь. Процесс оказался куда действеннее рекламных роликов. Благодаря шумной известности о нем узнала вся страна. Более того. Сотни больных, мучительно доживающих последние дни, теперь знали, что им не обязательно лететь в Швейцарию, где эвтаназия официально разрешена. Свой доктор сделает то же самое и даже лучше. За неделю к Олдмену записалось на порядок больше клиентов, чем за все предыдущее время.

В этой истории оказался единственный минус. Из-за судебной тягомотины скончался первый больной, так и не дождавшись разрешения на заморозку. Однако его место тут же заняли несколько десятков желающих.

Заинтригованные сенсационным процессом, кабельные

телеканалы боролись за право трансляции первой в человеческой истории заморозки живого человека. Правда, Дерек лелеял надежду, что делом заинтересуется один из американских телевизионных монстров, но, видимо, там заправляли истинные христиане, решившие не подогревать зрительский интерес к сомнительному мероприятию.

С другой стороны, телекартинка была уж очень скучной. Больному делались два укола, один – сильнодействующего снотворного, второй – препарата Хилла. Затем клиента без музыки и танцев помещали в холодильную камеру. Возможно, Эн-Би-Си превратило бы это скучное действие в захватывающее шоу с выступлениями поп-звезд и грандиозным фейерверком в финале, но по сути заморозка меньше, чем что бы то ни было, напоминала развлекательную программу. Да и кто мог гарантировать, что рано или поздно клиент обретет новую жизнь. Особенно при таком бездумном отношении современных людей к окружающему их миру.

Глава 7

Пошел третий день с того момента, как состоялись карточные баталии, а Фитиль все не мог успокоиться. Он до сих пор с трудом верил, что умудрился так лопухнуться! Ведь разводят новичков, едва ступивших на скользкую дорожку противоправного бытия, а Фитиль уже больше двух десятков лет занимался криминальной деятельностью.

Началось все еще в выпускном классе школы – отдельное спасибо Артуру Юдину. Именно он продемонстрировал Фитилю кусочек красивой жизни. А тут как раз молодые зубастые парни рванули к этой самой жизни, не разбирая дороги. Один из них, Ленька Щербатый увлек за собой Фитиля. Ленька был всего на четыре года старше, но уже завоевал авторитет среди преступников новой волны, вчерашних спортсменов, отслуживших десантников, уволенных ментов, людей пока еще без судимостей, в уголовных понятиях разбиравшихся, как свинья в апельсинах, но действовавших с куда большей жестокостью, чем самые матерые зэки. Начали традиционно, вымогая или выбивая деньги у кооператоров, а затем и бизнесменов.

Фитиль был вполне доволен жизнью. Есть бабки, есть бухло, есть телки, есть подержанная иномарка – чего еще надо человеку для полного счастья? А вот Щербатому хотелось журавля в небе, и обязательно породистого. Сунулся он

в топливный бизнес. Даже не сунулся, а только руку протянул, и ее тут же оторвали. Причем вместе с головой. Хорошо, что кроме Ленки пострадали всего три человека, а большая часть банды уцелела. Во главе ее оказался Фитиль. Самый молодой, но при этом самый толковый и самый эрудированный. Сказалось общение с Юдиным, запойное чтение книжек.

Жизнь тут же устроила ему испытание на прочность. Еще при жизни Щербатого их команда периодически залупалась с другой бандой. Причина была банальной – раздел функционирующих на сопредельной территории фирм, а следовательно, и денег. Банды были примерно равны по силам, и до кровавых столкновений дело не доходило. Гибель Щербатого и потеря еще троих человек подтолкнули конкурента к активным действиям. Противник нагло переадресовал на себя налог, который два бизнесмена долгое время платили команде Ленки.

Из прочитанных книг Фитиль сделал конкретный вывод: если противник сильнее тебя, нельзя идти на уступки, заводить переговоры или отвечать комариными укусами. Сожрет! Надо дожидаться благоприятного момента, собрать все силы и нанести жестокий удар. Именно так Фитиль и поступил. Это был первый и единственный случай в его славной биографии, когда он сознательно пошел на убийство людей. Братве Фитиля это дело тоже было в новинку, поэтому трое из семи намеченных жертв уцелели. Главарь конку-

рирующей банды отделался легким ранением. Зато моральный эффект от жестокой расправы превзошел все ожидания. Противник вместо ответного удара ушел в глухую оборону. Правда, Фитиль, почерпнувший из тех же книг, что нельзя считать врага глупее себя, не расслаблялся, а готовил людей к отражению ответного удара.

Теперь невозможно сказать, замышлялась ли противником контратака. Один из криминальных монстров, которых тогда в столице насчитывалось больше десятка, походя, между делом, подмял под себя обе банды. Возглавлял группировку авторитет из новых по кличке Хрипач. Он был сторонником не территориального, а, так сказать, производственного деления своего преступного сообщества. Одни люди занимались у него рэкетом, другие азартными играми, третьи наркотиками. Поначалу Фитилю оставили прежнее дело – вымогательство. Но по крайне обидному для него стечению обстоятельств в головку группировки поднялся старый кореш противника Фитиля. И самого Фитиля начали гнобить. Со временем его отлучили от рэкета и бросили на самую презираемую у бандитов новой волны работу – сутенерство. Откровенно говоря, Фитиль не видел в этом ничего плохого. Дело более спокойное, чем изъятие денег у бизнесменов, которые все чаще стали сдавать вымогателей в ментовку, да и всегда можно на халяву поймать бесплатный секс. Но остальные бандиты его уровня к Фитилю относились с легким пренебрежением. По сути они все были равны, но Фитиль был

менее равен, чем остальные.

Кстати, о размерах группировки можно было судить хотя бы по такому факту. Кроме Фитиля с его людьми в ней были еще четыре команды, опекавшие проституток.

И круглый дурак понимал, что унижительное назначение Фитиля произошло с подачи его бывшего конкурента. Но тот делал вид, будто все произошло безо всякого его участия и притворно вздыхал:

– Надо же! Ведь Фитиль прикидывался крутым пацаном, а на самом деле способен управляться только с продажными девками. Хорошо еще, что хоть это умеет.

Эпоха могущественных бандитских группировок имела свое начало и свой конец. С возникновением в стране некоего подобия законности был нанесен удар по оборзевшим пацанам, которые на виду у всего честного народа рассекали в шикарных тачках, хватали на улицах понравившихся им девочек, нагло диктовали свои условия директорам заводов и фабрик. Время открытого беспредела уходило в прошлое. Наиболее сообразительные паханы удалялись в тень, занимались тем же самым, однако перестали афишировать свои дела. Менее понятливые или опоздавшие угодили под масштабные операции. В их числе оказался и Хрипач. Нельзя сказать, что он был глуп, просто к хорошему быстро привыкаешь. Ну не укладывалось у него в голове, с каких это пор нельзя заявиться к директору или управляющему предприятия, сунуть ему в лицо пистолет и спросить:

– Ты че это, гнида, недодал нам в этом месяце тысячу запчастей? Жить надоело?

Слишком поздно он сообразил, что надо осваивать более завуалированные, хотя и столь же жестокие методы добывания денег.

Хрипач оказался среди части авторитетов, которым устроили показательную порку. Операция готовилась тайно, до последнего момента рядовые бойцы спецназа не знали, куда их отправят. Поэтому свой человек в ментовке не сумел предупредить о грядущей акции.

Фитиля спасли огромные размеры группировки, в которой насчитывалось около тысячи человек. Брали только самых засвеченных и самых опасных вроде боевиков и наркоторговцев. До кураторов греховного бизнеса у правоохранителей как-то руки не дошли. Фитиль отскочил, причем с минимальным ущербом в деньгах и живой силе. А вот его бывший противник, застарелый вражина, хотя и увернулся от карающего меча правосудия, растерял большую часть людей. Фитиль был злопамятен, и едва подвернулась такая возможность, решил отомстить. Мокрых дел он сторонился, но решил придумать такое наказание, которое бы оказалось немногим лучше смерти. Для начала братва Фитиля стала жестко щемить людей противника, вынуждая их оставить своего главаря. А затем... Обычный человек не нашел бы никакой жестокости в том, что задумал Фитиль. Ведь по логике нормальных людей час домашней работы трудно на-

звать суровым наказанием. Но у преступников своя извращенная логика. В камере обычно полы моют самые презираемые, стоящие на нижней ступени иерархии заключенные. Воля – дело несколько иное, здесь многие понятия размыты, неопределенны. Однако если один серьезный пацан старательно возит тряпкой по полу квартиры другого серьезно-го пацана, в уголовном мире становится на одного серьезно-го пацана меньше. Тем более, что Фитиль заснял всю гигиеническую процедуру на видеокамеру и якобы потехи ради дал взглянуть нескольким корешам своего уровня из других команд. После этого судьба вчерашнего главара была решена окончательно. В лучшем случае он мог стать вожаком бомжей, роющихся на помойках. Да и то при большом везении.

Зато авторитет самого Фитиля укрепился. Слухи о забавной киношке дошли до одного из крупных уголовных авторитетов, и тот одобрительно сказал:

– Вот человек умеет шевелить мозгами. Если любой другой задумает отомстить, то обязательно затевает мокрое дело. И потом садится полировать нары. А тут все сделано красиво, умно. Такая подлянка, что любо-дорого! Учитесь, мать вашу!

После этих слов Фитиля оставили в покое. А то уже нашлись желающие лишить его девочек. Типа, это бабы Хрипача, у которого имеются чисто конкретные наследники. А кто такой Фитиль? Чужак, приبلуда, оказавшийся в группировке, когда та уже набрала полную силу. Такого не грех вы-

швырнуть вон хорошим пинком под зад.

И хотя авторитет ничего не сказал о судьбе проституток, Фитилю на всякий случай дали спокойно работать. Мало ли. Иногда мертвая тишина является предвестником всепоглощающей бури.

Фитиль продолжил бизнес с доставшимся ему контингентом. Через некоторое время он реорганизовал команду, избавившись от части братвы. Времена изменились, жизнь уголовного мира устаканилась. Исчезли банды отморожков, возникавшие, словно из-под земли и в землю уходявшие. Стали немного другими задачи и функции пацанов, и отказывающиеся приспособливаться ушли, занялись более подходящей их темпераменту работой. Оставшихся вполне хватало, чтобы контролировать девочек. Ночные бабочки приносили стабильный, однако сравнительно скромный доход. Фитиль попытался значительно расширить дело, но он не один был такой умный. Хватало и других людей, жаждущих заработать на невинных мужских шалостях. А Москва хотя и большой город, однако не резиновый. Число клиентов увеличивалось слишком медленно. Фитилю удалось лишь незначительно умножить свои доходы. В принципе на жизнь ему денег хватало, но почему-то хотелось большего, гораздо большего.

Глава 8

Так иногда случалось – Комбат знакомил Подберезского со своими новыми приятелями, а те затем чаще и охотнее контактировали с Андреем. Впрочем, относилось это к более молодым людям, подходившим по возрасту Подберезскому, а не Рублеву.

Это произошло и с журналистом Игорем Буданцевым. Его первая встреча с Комбатом состоялась при обстоятельствах, которые трудно назвать приятными. У Буданцева имелась явная дисгармония между силой слова и силой тела. Время от времени она приводила к грустным последствиям. Специфика работы журналиста была такова, что у всех без исключения главных героев его публикаций возникало желание отомстить. В подавляющем большинстве случаев дальше кровожадных мыслей дело не шло. Но иногда человек превращал свои решения в жизнь. Если ему удавалось подкараулить Буданцева где-нибудь в темном месте, бедному Игорю приходилось несладко. Он уступал всем своим противникам в физической силе и умении драться. А вот характера, силы духа ему было не занимать. Выслушивая охи и ахи девочек из секретариата, Буданцев улыбался разбитым ртом:

– Подумаешь, настучали по бестолковке. Вы лучше представьте, что было бы, если бы сезон охоты открыл кто-то из обиженных мной серьезных людей. Тихий хлопок пистолета

с глушителем, и одним журналистом на свете стало бы меньше. Однако на то они и серьезные люди, чтобы не подставляться из-за какой-то разоблачительной публикации. Мстит шушера, способная лишь разукрасить мою физиономию под хохлому.

В очередной раз Буданцева подстерегли трое фанатов «Локомотива». Прикинувшись остервенелым болельщиком, Игорь познакомился с несколькими бойцами, ценившими футбол из-за возможности проверить крепость своих кулаков в драках с такими же отмороженными фанатами других команд. Буданцев щедро поил новых знакомцев пивом, умело расспрашивал о былых сражениях, и те, окончательно расслабившись, проговорились. Один из фанатов назвал имена главных организаторов побоищ, по вполне объяснимым причинам всегда старавшихся держаться в тени. Затем Игорь съездил за город, на своеобразный полигон, где «железнодорожники» отрабатывали тактику схваток с фанатами других команд. Там друзья Буданцева представили его своим лидерам, как еще одного желающего кулаками отстаивать доброе имя любимой команды. К лидерам обращались по кличкам, но Игорь уже знал их имена! Рискуя здоровьем, он миниатюрным фотоаппаратом сделал несколько снимков вожаков. А дальше началась кропотливая работа, бывшая сродни труду следователя. Буданцев забрался в джунгли социальных сетей. Он провел в них много часов и был вознагражден за настойчивость. Помогло знание имен. Без этого

Игорь мог даже не включать компьютер. Задав имя и примерный возраст, он многократно сужал круг поисков. Буданцев точно просчитал человеческий фактор. Один из вожаков зарегистрировался в «Одноклассниках» под своими настоящими именем и фамилией. Он ни словом не упоминал о своем увлечении, зато на одной из фотографий был запечатлен с другим лидером фанатов в самой невинной обстановке. Причем в комментариях к снимку назывались фамилии обоих.

Журналист докопался до истины. Его статья оказалась унижительным щелчком по носу московских сыщиков, расследовавших обстоятельства одного из фанатских побоищ. Следователи как-то весьма туманно говорили о зачинщиках грандиозной драки, а журналист выложил им часть имен на блюде.

Но успех мог иметь для Игоря очень тяжелые последствия. Фанаты тоже кое-что умели и вычислили Буданцева. Люди, неосмотрительно приведшие журналиста в святая святых «железнодорожников», поклялись смыть допущенную ошибку кровью. Разумеется, не своей, а Буданцева. Трое крепких молодых людей подстерегли Игоря поздним вечером в трехстах метрах от его дома. Там находился гараж Буданцева, чье удобное расположение теперь оказалось большим минусом. Если бы Игорь оставлял машину у подъезда, как большинство москвичей, фанатам было бы гораздо труднее его достать. Но теперь ситуация сложилась в их пользу, а

озлобленные выражения лиц говорили о серьезности намерений.

– Они избыют меня, как никогда в жизни, – с испугом подумал Игорь.

По счастью его дом находился рядом с домом Николая Круглова, афганского друга Рублева. И Комбат, распрощавшись с приятелем, короткой дорогой мимо гаражей двинулся к остановке автобуса. Он слегка выпил, но это можно было определить только специальными приборами. Наметанным глазом Борис выцепил подозрительные тени рядом с одним из гаражных боксов. Рублев замедлил шаг и услышал яростное восклицание:

– Попался, урод! Теперь будешь знать, как нам пакостить!

Комбат остановился, оценивая ситуацию. Вполне могло быть, что он видит разборки представителей двух уличных шаек. В таких случаях Борис проходил мимо. Если хулиганье намерено разрешить спорный вопрос единственным доступным им образом – флаг им в руки. И совсем другое дело, если какое-то отребье собралось расправиться с обычным человеком. Тут Комбат реагировал быстро и очень жестко.

Мужчина, которого без затей обозвали уродом, сделал несколько шагов назад и оказался в свете единственного горевшего фонаря. Он был прилично одет, что говорило в его пользу, хотя, изжив детскую болезнь малиновых пиджаков и спортивных штанов, многие уголовники облачились в строгую деловую одежду.

За мужчиной, обходя его с флангов, двинулись три человека. Их наряд очень подходил для суровых разборок. У одного из них Комбат увидел короткую дубинку. Это решило последние сомнения Бориса. Энергичным шагом он двинулся к центру событий. Его заметили, и парень с дубинкой, примерившийся было для хлесткого удара, развернул голову в сторону Рублева. Он принял Бориса за владельца одного из гаражей и раздраженно процедил:

– Ты откуда взялся мужик? Решил на ночь глядя покататься? Иди домой!

– Ты что, сопляк, будешь указывать, чем мне заниматься? Комбат намеренно оскорбил владельца дубинки. Будь фраза более мягкой, троица, проигнорировав его появление, могла наброситься на мужчину. А так внимание молодых людей тут же переключилось на Комбата.

– Ты че, борзый? Думаешь, что здесь самый главный? Раскатал губу! Мы тебе сейчас задницу на голову натянем, и никакой доктор не поможет! Ну-ка, чеши отсюда! – парень с дубинкой сделал шаг в сторону Бориса.

Один из его дружков, видя, что Комбат остается на месте, выщелкнул лезвие складного ножа и угрожающе нацелил его в сторону Буданцева:

– Замри, пока мы с этим хмырем разберемся. Если рыпнешься – догоню и всажу перышко в кадык.

Журналист благоразумно последовал жестокому совету и не пожалел об этом. С удобной позиции он наблюдал всю

схватку от начала до конца. Завязка битвы оказалась на удивление скоротечной. Тип с дубинкой лихо ринулся на безоружного противника, напрочь забыв о разумной предосторожности. И вдруг распластался на земле, выронив оружие своего труда. Все произошло настолько молниеносно, что Буданцев не заметил нокаутирующего удара. Двое соратников поверженного, обескураженные столь бесславным для них началом схватки, повели себя куда осмотрительнее. Они приблизились к Рублеву на безопасное с их точки зрения расстояние и ложными выпадами попытались спровоцировать Комбата на атаку.

Их намерения совпали с желанием Комбата закончить выяснение отношений до того, как очухается третий боец. Сделав ложное движение в сторону безоружного противника, Борис внезапно крутанулся вокруг своей оси, выбив нож из руки другого парня. Тот не ожидал подобного развития событий. Он был абсолютно уверен, что контролирует ситуацию, и стремительное доказательство обратного вызвало у него секундное замешательство. А Комбату и не требовалось больше времени.

– Бац-бац-бац! – стремительная троечка отшвырнула молодого человека под ноги Буданцева. К чести журналиста он не стал пинать ногами поверженного врага, что частенько доводилось наблюдать Рублеву. Буданцев чуть отстранился, оставаясь сторонним наблюдателем, в которого ему посчастливилось превратиться из жертвы.

Последний уцелевший молодой человек решил срочно переквалифицироваться из единоборца в легкоатлеты. Он удавился в бегство, оставив своих друзей на произвол судьбы. Точнее – Рублева, который, впрочем, произвола чинить не стал, а, мгновенно забыв о поверженных врагах, обратился к журналисту:

– С тобой все нормально?

– А что могло произойти с человеком, который только наблюдал, как обнаглевших молодчиков учат уму-разуму! Вы рисковали в тысячу раз больше, чем я, – ответил Буданцев и добавил: – Огромное вам спасибо. Если бы не вы, я бы валялся тут в луже крови.

– У тебя богатая фантазия, – заметил Комбат.

– Профессия обязывает, – ответил Олег и неожиданно для самого себя разоткровенничался.

Сказались огромное нервное напряжения и резкий переход от ощущения, что сейчас с ним произойдет что-то ужасное, к изумлению от того, что все обошлось.

– Понимаете, я журналист, недавно познакомился с фанатами «Локомотива», сумел завоевать их доверие и узнал тайны, тщательно скрываемые от посторонних лиц. В частности мне стали известны имена их вожаков. Обо всем этом я написал большую статью. Прочитав ее, фанаты обозлились и решили мне отомстить. Если бы не вы, даже трудно представить, что бы они со мной сделали. Меня до сих пор бьет нервная дрожь. Сейчас пойду домой и выпью успокоитель-

ного. Граммов триста, как минимум. Кстати, вы не составите мне компанию. Я вас очень прошу. Мой дом рядом, и у меня хранится бутылка отличного коньяка.

– Я предпочитаю обычную водку, – сообщил Комбат.

– Водка тоже найдется. Идемте! Не могу же я так просто отпустить своего спасителя.

– Да и время позднее, – продолжил Рублев.

– Ничего страшного. У меня есть знакомый таксист. Однажды я помог ему выпутаться из очень тяжелой ситуации. Он доставит вас, куда скажете.

Буданцев упрашивал так искренне и настойчиво, что Комбат в конце концов согласился. И не пожалел об этом. Журналист оказался интересным человеком, замечательным рассказчиком и внимательным слушателем. Борис, в свою очередь, произвел огромное впечатление на Игоря. Хотя по работе Буданцев знал очень многих людей, такой человек, как Рублев, ему еще не встречался. Бывшие командиры десантно-штурмовых батальонов, пусть и воевавшие в Афгане, не были таким уж эксклюзивом. Но то, что Рублев отказался участвовать во внутренних российских конфликтах, пожертвовав ради принципов своей карьерой и уйдя в отставку, делало его уникальным человеком. При этом он не спился, не запустил себя, а сохранял отличную форму и, как прежде, решительно боролся с любой несправедливостью.

Взаимный интерес подвиг отставного офицера и журналиста на новую встречу. Там Комбат познакомил Буданце-

ва с Подберезским. У Игоря с Андреем оказалась меньшая разница в возрасте, именно благодаря этому им было проще общаться друг с другом, хотя, в силу занятости, это происходило не так часто.

Одна из редких встреч проходила у Подберезского. Приятели слегка выпили, обсудили новости, после чего Буданцев, частенько бравший нити разговора в свои руки, пожаловался:

– Год выдался какой-то вялый, застойный, особенно последние месяцы.

– Неужели? – удивился Андрей. – Наверное, мы смотрим разные телевизоры. По моему ящику каждую неделю показывают то землетрясение, то террористический акт, то очередную исламскую революцию.

– Пошутил? Молодец! А теперь объясняю для особо одаренных. Зарубежные события, о которых ты говоришь, с профессиональной точки зрения мне глубоко до лампочки. Пусть у них идет хоть десять революций, возглавляемых снежным человеком и прилетевшими на своей тарелке инопланетянами, причем на склоне извергающегося вулкана, и все это детально показывается в прямом эфире – мне фиолетово! Я специализируюсь на внутренних, причем скандальных темах. А здесь тишь, гладь и Божия благодать, словно мои потенциальные герои собрались на тайную сходку и решили: «Посидим несколько месяцев тихо. Пусть журналюги поганые, оставшись без работы, поувольняются или застре-

лятся. И когда о нас станет некому писать, мы развернемся во всю мощь!»

– Ты преувеличиваешь, – сказал Подберезский.

– Как всякий творческий человек, – добавил Рублев.

– Только самую малость, – немедленно возразил Буданцев.

– Тогда дело плохо, – посочувствовал ему Андрей.

– Наоборот. Самое время вместо казнокрадов, насильников, фанатов, озверело колошматящих друг друга, выпустить статью о приличном человеке, настоящем герое нашего времени, – предложил Рублев.

– Не покатит. Я бы, Иваныч, с большим удовольствием описал твою жизнь, но пипл такое переварит с большим трудом. Разве что эпизоды афганской войны, если дать побольше кровавых подробностей, пойдут на ура. За такие пристрастия вы можете назвать нынешнюю читающую публику самыми последними словами: обывателями, чернью, быдлом, но факт остается фактом. Чернуха была, есть и будет одним из столпов нашей работы. Хотя некоторые лицемерно возмущаются, даже выдают за образец СМИ застойных времен. Мол, тогда все было очень достойно и нравственно. У меня есть знакомые телевизионщики. Они мне сказали, что программы вроде тех, что делались в совке, могли бы штамповать пачками без проблем. И даже пробовали, так как эти программы очень дешевы в производстве. Сделали несколько выпусков и закрыли, поскольку рейтинг этих передач мигом опустился ниже плинтуса. Народ хочет зрелища, и это

зрелище ему дают, затрачивая на него огромные бабки, так как без зрелища нет рейтинга, без рейтинга нет рекламы, а без рекламы наступает разорение. Хотя я знаю несколько газет, журналов и телеканалов, принципиально игнорирующих жареные темы. Но все они либо сидят на государственной шее, либо имеют могучих спонсоров.

И так во всем мире. Возьмите Голливуд. Сможете вспомнить хотя бы один фильм, где был бы собирательный образ положительного героя, регулярно совершающего добрые дела? Допустим, вчера он вытащил из омуты тонущего ребенка, сегодня перевел старушку через улицу, а завтра спасет от смерти десяток бездомных собак. Нет такого фильма. Зато полно лент про разных маньяков типа Ганнибала Лектора, с первой до последней минуты киношки совершающих кровавые злодеяния. И все положительные герои обязательно сражаются с отпетыми негодяями. Без этого никак, без этого зрители проголосуют своим долларом за другой фильм.

– Тогда я бы выпил за то, чтобы у тебя всегда было работы по минимуму, – сказал Рублев.

– Борис, ты не прав. А как же мне деньги зарабатывать? – спросил Буданцев, поднося ко рту стопку.

Глава 9

– Сука! – про себя, но очень эмоционально ругнулся Фитиль, услышав в трубке голос Бандерлога.

Три дня он тешил себя мыслью, что обойдется, хорошо понимая, насколько иллюзорна его надежда. Как и следовало ожидать – не обошлось. После обмена формальными фразами, Бандерлог взял быка за рога:

- Как поживает твой долг?
- Занимаюсь, – лаконично ответил Фитиль.
- Это радует. Когда примерно ждать результата?
- Сам понимаешь, дело сложное. Тут спешкой только все испортишь.
- Согласен. Но ты не очень тяни, – сказал Бандерлог и отключился.

Отпустив в его адрес несколько крепчайших выражений, Фитиль от эмоций перешел к конструктивным размышлениям. Его пацаны могли запугать человека, хорошенько накостылять, даже по случайности убить в запале. Но совершить заранее обдуманную, тщательно распланированную ликвидацию им слабо. Так что назначить кого-то из них киллером – мысль изначально провальная. Даже если удастся задавить авторитетом, угрозами навязать мокруху, слишком велик риск. В практических университетах его пацаны учились совсем другому. Да и склад характера у них иной. Фитиль

был уверен, что для каждого дела нужно родиться. Черепашу можно всю жизнь тренировать по новейшим спортивным методикам, но она и близко не станет спринтером. Человека, склонного к размышлениям о сущности жизни бесполезно и даже опасно учить на бухгалтера, иначе фирма, взявшая его на работу, прикажет долго жить от несведения дебита с кредитом.

Поэтому глупо искать несуществующие таланты в своем коллективе, надо выходить на профессионалов. И тут возникла проблема. Киллеры – одна из самых закрытых каст в уголовном сообществе. Даже Фитиль, являвшийся не самым последним человеком криминального мира, только догадывался, где их можно искать. Он мысленно перебрал всех своих корешей, вычленив нескольких человек, к которым имело смысл обратиться. Возможно, они знали выходы на серьезных киллеров.

Мысль о том, сколько может стоить подобная услуга, заставила Фитиля распахнуть холодильник и достать бутылку водки. Он налил до краев рюмку, одним махом выпил и вновь забрался в холодильник, теперь уже в поисках закуски. Положив на тарелку большой кусок мяса и хлеб, он взял ее в одну руку, второй ухватил бутылку с рюмкой и побрел в комнату. Откинувшись на спинку дивана, Фитиль нажал кнопку пульта. На экране «плазмы» замельтешили почти голые фигуры женщин и мужчин. К современной эстраде Фитиль был равнодушен, а раздетых женщин предпочитал на-

блюдать живую, поэтому стал щелкать кнопками пульта. Остановился он на очередном ток-шоу. В нем участвовали известный чудотворец Шулеровский и ученый муж, упитанный, с выпирающим из-под пиджака животиком и лысиной на всю голову.

Тема диспута на первый взгляд казалась абсолютно бессмысленной. Мужчины спорили о том, можно ли воскресить человека из мертвых. Но именно тут, в вопросах, бывших за гранью нормальной логики, Шулеровский чувствовал себя, как рыба в воде.

— Я утверждаю, что так называемый летаргический сон на самом деле является уникальной борьбой человека со смертью. Она уже к нему пришла, но в самый последний момент организм решает вернуться к жизни. Начинается медленное восстановление органов и функций. Почему летаргический сон часто длится неделями и даже месяцами? Необходимо оживить все клетки, заставить их слаженно работать, включить процесс метаболизма. Совсем недавно американские ученые нашли и расшифровали записи майя. Из них следует, что этот народ уже больше полутора тысяч лет тому назад умел воскрешать, правда на относительно короткое время, около года, своих лучших правителей. К сожалению, воскрешение давалось слишком дорогой ценой, на него тратилась жизненная энергия десятка жрецов, и применялось оно только в исключительных случаях.

— Что-то я ничего не слышал о воскрешении людей жре-

цами майя, – мгновенно отреагировал ученый.

– Очевидно, вы невнимательно следите за последними исследовательскими работами.

– Особенно если они являются плодом чьей-то фантазии, – последовал едкий комментарий.

Шулеровский покраснел от раздражения, однако на этот раз сдержался и продолжил:

– Мы слишком категорично заявляем о некоторых вещах, что это невозможно. Но если умело соединить древние знания с новейшими научными достижениями, станут возможны настоящие чудеса, в том числе воскрешение людей. Мне это уже удалось, к сожалению, всего только один раз, – скромно заметил Шулеровский.

– Вот этот факт в научной литературе точно не освещался.

– Да. Заказчик, человек очень состоятельный, обеспечил мне все необходимые условия, однако запретил упоминать фамилии и место действия.

– Да, настоящие чудеса медицины, – протянул ученый и вроде бы уважительно попросил: – Раз уж вы такой замечательный доктор, вам не составит труда назвать все мои болезни.

– С удовольствием. Хотя вам это вряд ли доставит радость. Но вы хотя бы будете точно знать, надо ли вам срочно обращаться за медицинской помощью. Ишемическая болезнь сердца, знаете ли, очень коварная и опасная штука.

– У меня нет ишемической болезни сердца.

– Тогда стенокардия или выраженная сердечная недостаточность. Причем на фоне сахарного диабета.

Ученый ехидно усмехнулся:

– Видите, до чего легко посадить в лужу возомнивших о себе горе-знатоков. Что-то вы забыли о своих чудесных способностях и норовите поставить диагноз исключительно по внешности. Подумали, что раз полный человек, то у него букет стандартных для такого телосложения и возраста заболеваний. Только внешность, как известно, обманчива. Нет у меня диабета и сердце в порядке.

– Это вам внушили жалкие докторишки, по благу закончившие медицинский институт. Послушайте мой добрый совет, обследуйтесь у хорошего доктора, – без тени смущения заявил Шулеровский.

– Допустим. Но сейчас разговор о моих настоящих, а не мнимых болезнях. Диагностируйте их, ведь для настоящего чудотворца это суший пустяк.

На этот раз Шулеровский задумался, долго сверлил учебного взглядом и только через минуту заговорил:

– Я вижу темный участок на пояснице и чуть выше ее. У вас есть проблемы в нижней части туловища. Скорее всего, это связано с позвоночником, хотя возможны заболевания почек или печени.

– Или селезенки, – перебил ученый. – Такой забавный диагноз может поставить любой человек, мало-мальски знакомый с анатомией. А вот я могу точно назвать ваше заболе-

вание – мозаичная психопатия, осложненная манией величия и желанием срубить побольше денег на доверчивости обывателей. Хотя последнее является прерогативой не медицины, а уголовного законодательства.

Ученый едва успел договорить. Взбешенный его словами, Шулеровский вскочил и размашистым ударом отправил своего оппонента в нокаут.

– Так его, козла! – одобрил действия мнимого чудотворца Фитиль.

Его симпатии были целиком на стороне Шулеровского, который во многом напоминал Фитилю самого себя: такой же напористый, хамоватый, умеющий блефовать, способный запудрить мозги человеку, заставить его уверовать в свои сверхъестественные способности и заработать на этом приличные деньги.

– Бывай здоров! – Фитиль вытянул руку с наполненной рюмкой в сторону Шулеровского, а затем поднес ко рту и выпил.

Тем временем к месту событий подскочили охранники телестудии, Шулеровский развернулся в их сторону, пылая боевым задором, но режиссер передачи решил, что телезрители без того увидели слишком много интересного. Пошла рекламная заставка.

– Зараза! – с чувством сказал Фитиль и щелкнул пультом. На соседнем канале шли новости. Показывали сюжет из Америки о новом методе заморозки людей.

– А че! Все путем. Я бы тоже дал себя заморозить, если бы в мучениях подыхал от рака! На фига такая жизнь? И обидно, блин! Куча бабла, а ни выпить, ни бабу трахнуть, ни смотаться на Сейшелы. Только лежи и ори от боли. Чисто хреновень, – возразил Фитиль корреспонденту, усомнившемуся в гуманности заморозки живых людей.

Он сумел вовремя остановиться, да и водка была качественной, поэтому на следующее утро похмельный синдром едва ощущался.

– Ничего не болит, как у замороженного, – почему-то вспомнил Фитиль вчерашний сюжет, и тут его осенила замечательная идея.

Сначала Фитиль скептически пожал плечами:

– Уж очень круто, не покатит.

Затем, все хорошенько обдумав, изменил свое мнение:

– А может и покатить. Надо рискнуть, в конце концов, я потеряю не так много бабок, а если дело выгорит, нашинкую капусту выше крыши и запросто решу проблему с Бандерлогом.

Глава 10

Глюком его прозвали друзья-компьютерщики. Эта кличка убедительно говорила о его квалификации. Но Фитиля уровень Глюка вполне устраивал, а моральные качества IT-технолога были выше всяких похвал. У многих компьютерщиков в шкале жизненных интересов на первом месте безоговорочно стоит их любимое дело. Кроме того, как люди интеллигентные, при этом не мыслящие своей жизни без определенного уровня комфорта и обожаемого компа, они инстинктивно сторонятся откровенного криминала.

Глюк был человеком иного склада. Больше всего на свете он ненавидел деньги. Потому что деньги надо было зарабатывать, тратить на это драгоценное время. Время, которое он мог провести за компьютером, днями напролет играя в любимые стрелялки, догонялки и головоломки, изредка разнообразя это занятие посещением порнографических сайтов. Глюк уже был далеко не мальчик, его возраст близился к тридцати годам, но он превратился в безнадёжного виртуала. Отец Глюка считал, что взрослый мужчина обязан сам зарабатывать себе на жизнь, и сыну только изредка перепадала какая копейка от любящей матери. Ему приходилось ездить по объявлениям, устанавливать контрафактные программы и антивирусы. Но чтобы таким образом заработать себе даже на скромную жизнь, приходилось тратить

много времени. Глюк был согласен на любое, пусть сомнительное дело, лишь бы щедрая оплата позволяла как можно реже отрываться от экрана монитора.

Когда Фитиль понял, что в современном мире человек, знающий компьютер и Интернет, способен облегчить его работу, он остановил свой выбор на Глюке. Тот с маленькой помощью более умелого приятеля разработал программку, позволившую Фитилю эффективно учитывать и контролировать работу своих подопечных. Кроме того, Глюк оказал Фитилю еще несколько мелких услуг. Он был у бандита на подхвате. Существовал сам по себе, но едва возникало дело, тут же брался за его выполнение.

После звонка Фитиля Глюк немедленно собрался и отправился к своему работодателю. Он никогда не задумывался над тем, что во время таких визитов может угодить на заметку соответствующим органам. Фитиль же оставил этот момент без внимания. Если вдруг менты сели ему на хвост, контакты с Глюком будут наименьшим из возможных зол.

– Полазь в Интернете, сделай мне полный список ученых, которые занимаются заморозкой живых существ, – озадачил Фитиль Глюка.

– Это в смысле ягод, овощей, фруктов? – компьютерщик на полном серьезе решил, что Фитиль несколько своеобразно обозвал живыми существами представителей флоры.

– Ты че, охренел! Я тебе говорю о живых существах.

– А эти какие? Все растения – живые существа. Их, между

прочим, живьем замораживают.

– Ты, блин, под дурачка не коси! Живое – это рыбы, воробы, собаки, люди. А гарнир – он и в замороженном виде гарнир! Врубаешься?

– Все ясно. Только я иностранные языки паршиво знаю.

– А на фига они тебе?

– Но вы же сами говорите, что вам нужен полный список ученых. Как без перевода въехать, чем они там занимаются?

– Расслабься, мне нужны только русские ученые, причем московские. Иногородние сгодятся в крайнем случае, если подходящих москвичей не окажется. Прежде всего меня интересуют люди, которые занимаются веществами, мешающими жидкости в организме превращаться в лед. Типа антифриза.

– Ясно. Тогда я пойду? – Глюк не знал, чем по жизни занимается Фитиль, но, объективно оценив его характер, старался не задавать лишних вопросов.

– Иди. Получишь двадцать тысяч и еще десятку за срочность.

– Буду сидеть и день, и ночь, – заверил Глюк, хотя предполагал, что для такой работы и дня вполне хватит.

Изучение живых существ – удел биологов, в крайнем случае химиков-органиков. Достаточно будет просмотреть оглавления электронных версий соответствующих научных журналов, потом зайти на сайты МГУ и Академии наук, отыскать нужные институты и факультеты, ознакомиться с

научными работами ведущих сотрудников. Такая информация наверняка есть, не может не быть.

Работа заняла у Глюка несколько больше одного дня. Зато, что бывало с ним редко, он мог ей гордиться. Глюк разбил список на две части. В первой находились люди, занимавшиеся проблемой заморозки в целом, во второй – пытавшиеся найти антифриз. Первый список вышел очень длинным, так как Глюк вносил туда каждого человека, хоть каким-то боком имевшего отношение к заморозке, второй совсем куцым, поскольку на самом деле мало кого волновал такой практически бесполезный для современной экономики вопрос, как заморозка животных.

Изучив списки, Фитиль требовательно взглянул на Глюка:
– И это все?

– Абсолютно. Я сидел за компом, не вставая, даже ел без отрыва от работы. Теперь могу назвать фамилии доброй половины биологов Академии наук и университета.

– Не густо, – Фитиль отодвинул в сторону больший список, оставив меньший. – Ладно, будем работать с тем, что есть.

Тут Фитиль решился на довольно рискованный шаг. Он поручил сбор информации об ученых ЧОПу, то есть конторе вполне легальной, работающей на официальном основании и вынужденной контактировать с милицией, ставшей полицией, хотя, как известно, хрен редьки не слаще. Но этому конкретному ЧОПу Фитиль мог доверять, и его сотрудники,

в отличие от братвы Фитиля, имели богатый опыт в такого рода делах. В принципе интерес Фитиля имел довольно безобидный характер, но вот личность заказчика могла настояжить охранников правопорядка.

Чоповцы свое дело знали, довольно быстро они собрали досье на каждого заинтересовавшего Фитиля человека. Впрочем, этих людей было раз, два – и обчелся.

Получив компьютерные распечатки, Фитиль углубился в их чтение. Через три минуты первая распечатка была отодвинута в сторону. Изучив вторую, Фитиль с тяжелым вздохом оставил ее рядом с собой. Человек хороший, вполне приручаемый, однако его научные интересы только пересекаются с требуемыми. Третью распечатку Фитиль раздраженно швырнул в стену. Кандидат не годен во всех отношениях! Четвертую он раскрыл со скептическим выражением на лице, которое под конец чтения сменилось довольной миной. Ну вот, твердая четверка за корыстолюбие и требуемое направление исследований. Жаль, что чоповцы так и не узнали, насколько далеко он продвинулся в решении поставленной задачи. Возможно, тогда бы оценка сменилась на «отлично». В научном смысле лучше всего подходил последний кандидат, но он характеризовался, как человек старой закалки, которого очень трудно соблазнить деньгами и прочими благами.

– В крайнем случае мужика придется ломать. Но пока будем работать с номером четыре, – решил Фитиль, вставая

из-за стола...

Комаров был слегка выпивши и сильно раздражен. Научная конференция с участием зарубежных гостей традиционно завершилась банкетом. Иностранцы были в основном представлены гостями из бывших соцстран (сказывались давние научные связи), но двое немцев, француз и голландец тоже выступили с докладами и приняли участие в застолье. Один из немцев кое-как лопотал по-русски, его полупьяненькая болтовня и озлобила Михаила Эдуардовича.

Ознакомившись с докладом немца, Комаров инстинктивно почувствовал в нем родственную душу. Тот, как и Михаил Эдуардович, звезд с неба не хватал, был добросовестным, но заурядным исполнителем. При этом выяснилось, что немец зарабатывает шесть тысяч евро в месяц, живет в собственном доме с тремя спальнями и двумя ванными комнатами, ездит на «Ауди», купленной полтора года тому назад.

Комарова словно полоснули серпом по не самым жизненно важным, но очень дорогим для настоящего мужчины органам. Это что же такое получается! Они с немцем два сапога пара, только один сапог из лучшей кожи, а второй – заурядная кирза!

В общем, жаба начала душить Михаила Эдуардовича не по-детски. Разыгравшуюся зависть усиливало одно обстоятельство. Американцы совершенно неожиданно прекратили сотрудничество. Как подозревал Комаров, они авансировали работу сразу нескольких лабораторий. Типичный под-

ход людей, у которых денег куры не клюют. Кому-то из конкурентов удалось решить проблему, остальных вежливо попросили выйти вон. Хорошо, что предусмотрительный Михаил Эдуардович не особенно-то и рассчитывал на эти двести тысяч, приборы и реактивы на выданный аванс купил по минимуму, только самое необходимое. Но и минимум обошелся в половину аванса. Научные исследования нынче дороги. Короче, после вычета налогов, всех трат и выплат сотрудникам Комаров положил в свой карман пятнадцать зеленых кусочков. Но это выгорело единственный раз в жизни, а немец ежемесячно огребал половину этой суммы. Поэтому бородавчатое земноводное терзало ученого до окончания банкета. Другой бы на его месте с горя хлебнул лишнего, но Комаров выпивал умеренно и даже в такой ситуации не изменил своей привычке.

От метро до дома ему было две коротенькие остановки на автобусе или десять минут пешком наперерез. Комаров решил пройтись. Около дома его неожиданно окликнули. Ученый оглянулся и заметил незнакомого мужчину, машущего ему рукой из «БМВ».

– Михаил Эдуардович, добрый вечер! Можно вас на пару минут, – незнакомец выбрался из машины.

– Поздновато для разговора, – заметил Комаров, испытывая вполне понятные для такой ситуации опасения.

– Да вы не бойтесь. У меня всего парочка вопросов. Если ваши ответы меня устроят, готов предложить выгодную ра-

ботенку.

Немного поколебавшись, ученый забрался в салон «БМВ».

– Скажите, Михаил Эдуардович, вам действительно удалось получить вещество, мешающее крови замерзнуть?

– Откуда вы знаете? – поразился Комаров. – Ведь мы не публиковали результаты наших работ.

– У меня свои источники информации. Но вы не ответили на мой вопрос.

– Да, мы получили биоантифриз. Он предотвращает кристаллизацию жидкости в организме до температуры минус тридцать градусов. Но, к сожалению, его применение невозможно.

– Почему?

– Антифриз оказался смертельным ядом. При его введении мышцы погибали еще до заморозки.

– Жаль. Хотя, как говорится, есть варианты. Давайте встретимся через пару дней и поговорим более обстоятельно. Вы согласны?

– Да.

– Тогда я вам позвоню. Ваши телефоны у меня есть.

Вернувшись домой, Комаров какое-то время размышлял о странном разговоре. Человек явно заинтересовался антифризом. При этом его внешность и манеры заставляли усомниться в принадлежности к миру науки. Что-то в нем проскальзывало такое... ээковатое. Конечно, речь правильная,

без фени, и манеры вполне человеческие, но сейчас многие уголовники камуфлируются под добропорядочных граждан.

Михаил Эдуардович читал в одной солидной газете рассказ большого чина из МВД о его встрече с преступными авторитетами. Чину они показались милыми интеллигентными людьми. Поэтому и незнакомец мог принадлежать к миру криминала. Или такие мысли навеяло слишком позднее время встречи? Нет, Комарова насторожила реакция на известие о том, что антифриз является смертельным ядом. Незнакомец тогда сказал «жаль», но в интонации не было досады. Опасное свойство антифриза его вполне устраивало.

И тут Михаила Эдуардовича осенило. Такое иногда бывает. Вроде размышляет человек о чем-то одном, а приходит хорошая идея, к теме его раздумий имеющая только косвенное отношение.

– Мы же не проверяли антифриз на холоднокровных! Как же мы упустили такую очевидную вещь! Вдруг он совершенно безвреден для змей и лягушек. Надо завтра же проверить.

Посвященные сотрудники лаборатории были немало удивлены поведению своего шефа. Достав единственную оставленную на всякий случай пробирку с антифризом, остальные запасы которого за ненадобностью были уничтожены, Комаров велел принести ему парочку лягушек. Для верности. Обоим земноводным он ввел антифриз, и в обоих случаях констатировал смерть. Но, как истинный ученый, Михаил Эдуардович не уgomонился. Он вызвонил сво-

его приятеля-герпетолога и раскошелился еще на парочку змей. Напрасная трата денег! Ужей постигла безвременная участь лягушек.

– Теперь можно абсолютно точно сказать, что проблема в нашей работе. Либо мы неправильно определили состав антифриза, вырабатываемого рептилиями, либо намудрили с синтезом, – понял Комаров.

Его терзали смутные опасения, абсолютно напрасные, как выяснилось уже в скором времени.

Вскоре раздался телефонный звонок.

– Добрый день. Вам звонит Владимир, человек, с которым вы пару дней тому назад разговаривали поздним вечером. Я тогда забыл представиться. Давайте встретимся завтра в шесть часов.

– Хорошо, – согласился Комаров. – А где? У меня на работе не совсем удобно.

– Ресторан «Альбатрос» вас устроит?

– Ну, если мы сумеем договориться и будет что отмечать, – вроде бы пошутил ученый.

На самом деле ему было жаль отдавать кругленькую сумму за ресторанные посиделки.

– У меня есть чувство, что мы обязательно договоримся, и по такому случаю я оплачиваю все расходы, – ответил Фитиль, из собранного досье знавший о прижимистости Комарова.

Он тщательно обдумал предстоящий разговор. Ученому

люду присуща некоторая щепетильность, даже самые корыстолюбивые представители мира науки стараются избегать криминала, поэтому следовало придумать достойную отмазку, которая бы устроила Комарова. И такую отмазку, как решил Фитиль, ему удалось сочинить. Дав ученому слегка насытиться и обсудив в целом вопросы заморозки, Фитиль сделал многозначительную паузу и спросил:

– Знаете ли вы, Михаил Эдуардович, сколько в нашей стране неизлечимо больных людей, страдающих от мучительных болей?

– Точного числа не знаю, но предположу, что довольно много. Ведь если говорить о медицине, то прогресс достиг весьма сомнительного уровня. Мы научились продлевать людям жизнь, однако тем самым обострили проблему старческих болезней. Мы не способны их вылечить и только затягиваем, иногда на годы, агонию человека. Возможно, я сужу излишне категорично и, оказавшись в шкуре обездвиженного старика, навсегда прикованного к постели, находил бы в таком существовании свои радости, но в мои годы мне кажется, что лучше умереть, чем тоскливо наблюдать, как жизнь проходит мимо.

– Очень хорошо! Я рад, что наши мысли совпадают. Понимаете, у меня очень много знакомых, и среди них есть несколько человек, потерявших способность ходить и страдающих от жутких онкологических болей. Все они сохранили рассудок, и это усиливает их мучения. Один из них сказал

мне, что если бы заранее знал о своей судьбе, то застрелился бы. Другой уже несколько месяцев умоляет родственников дать ему яду, но те боятся.

– Еще бы. Ведь эвтаназия в нашей стране запрещена.

– Именно поэтому мои знакомые готовы хорошо заплатить тому, кто навсегда избавит их от мучений. А все они, между прочим, довольно состоятельные люди, – сказал Фитиль и неожиданно спросил: – Вы слышали о Дереке Олдмене?

– Олдмен... Олдмен... кажется, есть такой специалист по исследованию замедления биохимических процессов в организме. Или Олдмейз? Но зовут его точно не Дерек.

– Удивительно, профессор, – наградил Фитиль Комарова званием, о котором тот мог только мечтать, – вы же работали над антифризом, а ничего не знаете о Дереке Олдмене.

– Он тоже имеет отношение к заморозке?

– Самое непосредственное. Дерек Олдмен возглавляет фирму, которая впервые в истории начала замораживать еще живых людей. Или, скажем так, почти живых людей.

– А! – на лице Киселева отобразилось понимание. – Это человек, воспользовавшийся изобретением Яна Хилла. То есть вы хотите сказать, что раз кто-то сумел изобрести безопасный антифриз, у нас это тоже получится.

– Возможно, – досадливо поморщился Фитиль. – Но людям, которые молят об избавлении от мучений, некогда ждать, пока вы повторите успех американцев.

– Тогда я не совсем понимаю.

– Все элементарно, профессор. Олдмен выиграл суд и добился права замораживать живых людей. Заморозку признали не эвтаназией, а погружением людей в длительный сон. Мы здесь, в России, создадим фирму, аналогичную фирме Олдмена. Пока с использованием вашего антифриза.

– Но это будет чистой воды убийство! – от неожиданности Комаров повысил голос.

– Тише вы! Лучше вспомните, о чем я говорил. Эти люди умоляют о смерти и готовы хорошо заплатить, но родственники опасаются нарушить запрет на эвтаназию. А мы этот запрет обойдем, поможем хорошим людям и денег заработаем.

– Ну, если так, то у меня осталось немного антифриза, – с сомнением в голосе произнес Комаров.

– Профессор, вы узко мыслите. Представьте, сколько в России безнадежно больных людей! И среди них хватает состоятельных граждан.

– Допустим, – Михаил Эдуардович не испытывал восторга от затеи Фитиля. – Но закон принят в Штатах, а не России.

– Примут. Мы же теперь во всем подражаем цивилизованным странам, – усмехнулся Фитиль. – Проблема в другом. Вдруг чисто внешне будут заметны признаки смерти?

– Признаки смерти? На замороженном теле? Интересно, как вы это себе представляете?

– Ну, я не знаю, там, жуткая гримаса или еще что.

– Сомневаюсь. Возможно, тщательный анализ тканей покажет наличие ядовитых продуктов частичного распада антифриза, однако внешне этого не определить. По крайней мере мыши выглядели нормально.

– Кто же позволит резать человека, который заплатил большие деньги за то, что в будущем его воскресят? Дадут только посмотреть. А ваши мыши – не показатель. Шерсть все скрывает. Нужен опытный экземпляр с безволосым лицом.

– У некоторых обезьян морда без шерсти и хорошо развита мимика, – тут же нашелся Комаров, с ужасом догадываясь, кого имел в виду его собеседник под опытным экземпляром.

– Для начала пойдет и обезьяна, – равнодушно согласился Фитиль. – Вы мне назовите породу. Сейчас за деньги можно достать, что угодно.

– Хорошо, я уточню в справочниках и позвоню вам.

– Только я хотел бы сам все увидеть.

– Это сложнее. У нас сидит вахтер и, кроме того, вечером двери института закрываются.

– Я могу прийти днем.

– Не стоит. Лучше провести опыт без любопытных глаз. И я, кажется, знаю, как вас впустить.

Через три дня Фитиль подъехал к институту. Его сопровождал Корнеплод, форма головы которого объясняла, почему ему дали такое погоняло. Обеими руками он держал большую клетку, завернутую в покрывало.

Михаил Эдуардович уже ждал их в большой комнате на цокольном этаже. Здесь стояли скоростные центрифуги, находившиеся в общеинститутском пользовании. Поэтому Комаров сумел взять ключ от комнаты – якобы для работы. Он распахнул створку большого окна, и Фитиль с Корнеплодом оказалась в здании.

– Есть маленькое неудобство, – сообщил Михаил Эдуардович. – После окончания работы лифты отключают, придется идти по черной лестнице.

– Высоко? – поинтересовался Фитиль.

– Четвертый этаж.

– Ерунда.

– Я заморозил лабораторную крысу. Посмотрите, как она выглядит, – сообщил ученый.

Крыса оставила Фитиля равнодушным.

– Давайте займемся обезьяной, – нетерпеливо сказал он.

Корнеплод снял покрывало. Комаров увидел очаровательную обезьянку величиной с пуделя. Рот примата был прихвачен скотчем. Корнеплод схватил обезьянку и бесцеремонно вытащил из клетки. Та, будто предчувствуя ужасную судьбу, энергично отбивалась всеми четырьмя лапами.

– Держите крепче, – ученый с хрустом сломал ампулу и где-то на четверть втянул ее содержимое в шприц.

– Что это? Антифриз? – спросил Фитиль.

– Нет, снотворное. Если сейчас вколоть антифриз, ее морда останется искаженной страхом. Будет нечистый экспери-

мент.

– А почему так мало?

– Чего, снотворного?

– Да.

– Ампула рассчитана на человека. Обезьяна намного меньше. Если вкатить ей полную дозу, возможен летальный исход.

Вскоре животное уgomонилось.

– Можно делать второй укол, – Комаров достал из холодильника пробирку.

Ученый ввел обезьяне антифриз и взглянул на часы:

– Подождем минут двадцать. Вещество должно разнестись по всему телу.

Фитиль подошел к примату:

– Нормальная морда. Никаких признаков, что она склеила ласты. Профессор, а вы уверены, что яд подействовал.

– Попробуйте найти у нее пульс или подставьте к пасти зеркало.

– Я че, баба, зеркало с собой таскать! – вырвалось у Фитиля, и он, поняв свою оплошность, принялся молча нашаривать пульс на тонкой лапке.

– Нету? – осведомился Комаров. – Погодите, в одной из комнат лаборатории есть небольшое зеркало, я сейчас принесу.

Вскоре Фитиль убедился, что животное мертво. Однако на всякий случай он попросил заморозить обезьяну:

- Мало ли. Вдруг от холода какая-нибудь фигня выскочит. Деревенеющее тельце положили в морозильную камеру.
- Сколько нам ждать, профессор?
- Для верности час.
- Долго.

Но едва примата начало схватывать холодом, здание внезапно погрузилось в темноту.

– Электричество отрубили, – с грустью констатировал очевидный факт Фитиль.

– Надеюсь, скоро включат. У камеры достаточная инерционность, однако всему есть предел. А повторная заморозка нарушит чистоту эксперимента, – сказал Комаров.

Они прождали больше часа, и тут терпение Фитиля лопнуло.

– Хорош, я не сова, чтобы до утра торчать в темноте. Пора сматываться.

– Тогда для полной уверенности потребуется вторая обезьяна, – вкрадчиво заметил Михаил Эдуардович.

– Не знаю – не знаю. Эти твари дорого стоят. Я предпочту бюджетный вариант.

Глава 11

Однако на время Фитилю пришлось забыть об экспериментах. Навалились дела и, вдобавок, поступил сигнал от коллег. Владельцы других уличных точек, где проститутки торговали своим телом, узнали о смерти двух ночных бабочек Фитиля от рук садистов и были настороже. А тем надоело таиться, и они снова вышли на кровавую охоту. Однако теперь номер не прошел. Манеры тройцы вызвали подозрение, и мамочка демонстративно переписала номер их автомобиля. Девочки вернулись целыми и невредимыми, но потом долго ходили угрюмыми и не реагировали на шутки. Одна из них, недоучившаяся на филологическом факультете, категорично высказала общее мнение:

– Это бешеные волки в намордниках. Без них они бы разорвали нас на части.

О подозрительных клиентах дали знать Фитилю. Знакомый ментокоп пробил номер автомобиля, и у Фитиля на руках оказался адрес. Хотелось, конечно, как можно быстрее вломиться в квартиру, однако основания для такой горячности были недостаточно вескими. Где гарантия, что в обоих случаях девочек снимали одни и те же люди? Пришлось устраивать слежку за домом, пасти клиента. К счастью, тот в обычной жизни оказался человеком пунктуальным, в одно и то же время уезжал на работу и возвращался домой.

В первый день люди Фитиля хорошенько рассмотрели подозреваемого, а на второй прихватили с собой мамочку, видевшую убийц. Но мужчина так быстро проскочил из машины в подъезд, что женщина только мельком увидела его лицо. Пришлось на следующий день ехать опять. Как назло, в тот вечер мужчина задержался. Пацаны стали нервничать, строить разные догадки. Вплоть до того, что пока они здесь торчат, садисты разъезжают по городу в поисках новых жертв. Ведь у них вышел облом, поэтому желание осталось и даже усилилось. Без насилия они чувствуют себя, как рыба, выброшенная из воды, и стремятся попасть в родную стихию. Мамочка подумала:

– Вот будет паршиво, если пока мы охотимся на них, они снова прихватят одну из наших девочек.

Но оставила эти мысли при себе. А тут подкатила иномарка, и теперь мужчина дал себя хорошенько рассмотреть.

– Это он! – твердо сказала мамочка. – Один из тех гадов!

За дело взялись костоломы Фитиля, Боров и Цоколь. Боров имел судимость за кражи и грабежи. Он действовал в составе преступной группы из трех человек. У них было разделение труда. Один вскрывал двери, второй имел нюх на места, где хозяева квартир могли прятать ценные вещи. Боров осуществлял силовое прикрытие. Но заодно он худо-бедно освоил специальность взломщика. И, повозившись, сумел деликатно открыть дверь квартиры садиста. Тот даже не заподозрил, что у него засели непрошенные гости. Спокойно

зайдя в квартиру и раздевшись, он двинулся в единственную комнату. А там его уже ждали. Увидев двоих костоломов, мужчина попытался бежать, но успел только развернуться и был схвачен могучей рукой Цоколя. Что характерно – хозяин квартиры молчал, хотя мог попытаться криком позвать на помощь. Видно, действительно рыльце было в пушку.

– А друзья твои где? – ласково спросил Боров.

– Какие друзья? – удивился мужчина.

– С которыми ты, падла, наших девочек убивал! – тяжелый кулак угодил в солнечное сплетение.

Мужчина скорчился от боли и начал жадно хватать ртом воздух. До него дошло, что ситуация крайне опасная, можно сказать летальная, и есть смысл позвать на помощь. Тогда в самом крайнем случае дадут пожизненное, да и то, если сумеют доказать совершенные ими убийства. А здесь верная смерть, а перед этим жестокие пытки.

Но поздно. Удар сбил дыхание, вместо крика изо рта вырвался булькающий хрип, а Цоколь тут же разгадал намерения садиста и занес кулак:

– Только попробуй – своими же зубами подавишься!

– Так где же твои друзья? – повторил вопрос Боров. – Только не вздумай фуфло гнать. Проверим – совсем плохо тебе будет.

– Нет у меня друзей, только знакомые по работе, – попытался юлить мужчина.

Боров ухватил его за горло, чтобы не заорал, и сказал Цо-

колю:

– Глянь тут какой утюжок или паяльник.

Бандиты действовали без выдумки, старыми, но проверенными и эффективными орудиями преступного труда. А мужчина оказался крепок. Гости успели пресытиться запахом горелого мяса, когда он не совсем логично заявил:

– Ладно, скажу, если вы пообещаете меня не пытаться.

Впрочем, как затем выяснилось, от него было трудно ожидать нормальной логики. То, что сказал мужчина, потрясло даже выдавших виды бандитов. Оказывается, со своими дружками и подельниками он познакомился в... дурке! Вот до какой степени дошел воцарившийся в государстве бардак. Этим и объяснялся казус, способный запутать любого следователя. Криминалистам известно множество маньяков, но все они действовали поодиночке. А здесь даже не два, а сразу трое. Правда, один был просто шизиком, переставшим различать грань между добром и злом. Он получал удовлетворение от традиционного секса, а затем любознательно наблюдал за патологически жестокими развлечениями дружков.

– Как же тебе, психу, дали права? – удивился Боров.

Мужик, корчась от боли в сожженной спине, рассказал о влиятельном муже родной сестры, нежно относившейся к любимому брату. Тот и квартиру помог сохранить, и на работу устроил, и права сделал.

Здесь наступила маленькая заминка. Влиятельный человек мог подстегнуть розыск исчезнувшего садиста. Но при-

каз Фитиля был четок, и бандиты не решились его послушаться. Вскоре жестокая троица оказалась вместе, хотя на сей раз это не доставило им удовольствия. Первого пленника временно оставили в покое. Шизику-наблюдателю дали возможность насладиться своим любимым занятием. Фитилю стало интересно, действительно ли человеку понравится наблюдать за мучениями своего дружка. А ведь понравилось! Второго садиста подвергли всем тем издевательствам, которые испытали убитые проститутки. Разумеется, с поправкой на его половую принадлежность. Ему вырвали ногти, в задний проход вбили бутылку из-под шаманского, тупой бритвой с его мужского достоинства срезали головку. Фитиль затеял жестокие издевательства не только из жажды мести. Он уже выстроил планы на будущее и хотел посмотреть, на что способны его лучшие бойцы. Поэтому, когда настало время отправлять убийц следом за их жертвами, он выложил нож и удавку. Ведь так прикончить человека куда труднее, чем с расстояния, надо ожесточиться до предела. А сам как бы невзначай поигрывал пистолетом.

Боров и Цоколь воспользовались ножом. Корнеплод тоскливо взглянул на пистолет в руках главаря, но выпрашивать оружие не стал, а взял удавку.

Фитилю такое решение понравилось. Значит, пересилил себя человек, и, вопреки своему желанию, выбрал самый тяжелый, самый неприятный вариант. Молодец! Теперь стало окончательно ясно, что на Корнеплода можно положиться в

щекотливой ситуации.

Глава 12

Вот и не верь после этого в предсказания!

Гадалка была какая-то странная. Во-первых, она мало ходила на цыганку, скорее в ней была изрядная доля азиатской крови. Во-вторых, и тут сказывалась кровь славянская, с мятым испитым лицом. Но при этом чувствовалась в ней загадочная сила, ее призывный взгляд заставил Комбата резко замедлить шаг, он почувствовал, что его притягивает к женщине, словно магнитом, хотя никогда раньше при встречах с гадалками ничего подобного он не испытывал. А уж перевидал их Борис на своем веку немало. И сумму гадалка запросила смешную, всего-то двести рублей.

– На дешевую бутылку с простенькой закуской, – подумал Рублев.

Деньги он дал и даже внимательно выслушал гадалочки пророчества, хотя особой изобретательностью они не отличались. Тут тебе и хлопоты от бубнового короля, и дальняя дорога, и радостная новость. Короче, стандартный расклад, обязанный удовлетворить клиента за его деньги. Плюс загадочная охромевшая лошадь, приплетенная, надо думать, для придания гаданию капельки таинственности. Только одно пророчество напрочь портило типовую, как дом в новостройке, картину. Гадалка сказала, будто Комбата ждет потеря друга, о которой он узнает, вернувшись после даль-

ней дороги. Причем случится это довольно скоро. Тут Рублев скептически усмехнулся. Никаких дальних поездок в ближайшее время он не намечал. Разве что сегодня решил заглянуть на строительную выставку, поскольку давно хотел сделать в квартире косметический ремонт. И хотя выставка проводилась на другом конце города, а Москва разрослась просто катастрофически, дальней дорогой вояж Комбата можно было назвать только при ну очень большом желании. Такие с позволения сказать путешествия обычный человек совершает почти каждую неделю.

Поэтому Рублев забыл о словах гадалки через две минуты, хотя она сама ему запомнилась, поскольку была довольно колоритной личностью.

А в гараже его ждал неприятный сюрприз. На все попытки завести машину «Форд» Комбата отвечал звуками, напоминающими хриплый кашель заядлого курильщика. Рублев вышел из салона, пнул от досады ни в чем не повинное колесо и тут вспомнил о словах гадалки. А ведь действительно, его конек-горбунок внутреннего сгорания вышел из строя. Правда, «Форд» вовсе не охромел, но ведь терминология зародившихся много веков тому назад гаданий не адаптирована к современной технике. Пришлось Рублеву добираться на выставку общественным транспортом. От изобилия материалов, инструмента и разных вспомогательных средств у него голова пошла кругом. Раньше было куда проще. Спросил:

– Этого нет?

– Нет.

– А этого?

– Тоже нет.

– А того?

– И того, дорогой товарищ, нет.

Все, идешь домой с чистой совестью и считаешь, что ремонт закончен. Окончательно сразил Комбата один торговец, заявивший:

– Если у вас есть цифровой аппарат и компьютер, пришлите на наш электронный адрес фотографию вашего помещения с мебелью. И напишите сумму, которую вы готовы потратить. А мы подберем в тон обои, натяжные потолки, кафель, половое покрытие. Вот наша карточка.

Борис карточку взял, однако на всякий случай обошел всю экспозицию.

Едва он вернулся домой, раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Рублев услышал голос полковника Бахрушина:

– Здравствуй, Борис, рад тебя слышать. А то я было подумал, что ты уехал из города.

Комбат едва сдержал удивленное восклицание. А вот и бубновый король с его хлопотами. Ай да гадалка!

Полковник Бахрушин служил в ГРУ. Время от времени он поручал Рублеву задания, все, как один, трудные и весьма щекотливые. В жизни любой конторы – и ГРУ тут не является исключением – возникают деликатные ситуации, когда требуется закрыть вопрос, но при этом в случае

провала очень вероятен грандиозный скандал. И тогда вместо собственных сотрудников используются квалифицированные люди со стороны, внештатные работники. Чтобы, если произойдет сбой, откреститься от неудачника. Мол, я – не я, и хата не моя.

Рублев был лучшим внештатником Бахрушина, и, с точки зрения полковника, имел единственный недостаток. Он работал за идею, начинал еще когда государство прописало спецслужбам голодную финансовую диету, и часто денег не было даже на зарплату кадровым сотрудникам. Со временем внештатники стали получать хорошее вознаграждение, но и при этом Комбату нельзя было поручить задание, хоть сколько-нибудь противоречащее его нравственным установкам. На первый раз он бы отказался, после второго мог навсегда порвать контакты с ГРУ. А полковник не хотел терять своего лучшего внештатника и всегда учитывал интересы Рублева.

– Борис, ты помнишь Шинкай-Гильзанскую долину? – спросил полковник.

Вопрос был настолько неожиданный, что Комбат чуть грубовато ответил:

– Я-то, конечно, помню. А вы ее откуда знаете?

– По долгу службы, – ответил Бахрушин. – Ты можешь прийти ко мне завтра в десять часов утра.

– Хорошо, – коротко ответил Рублев.

– Тогда до встречи!

– Ага! До скорой встречи.

После разговора мысли о ремонте сразу вылетели из головы. Сначала Рублев напрасно гадал, для чего Бахрушин спросил у него о «Шайтан-яме», как прозвал Шинкай-Гильзанскую долину Явдат Икрамов, сержант его батальона из Ферганы. Выдвинув несколько одинаково малоправдоподобных предположений, Комбат погрузился в воспоминания о самой долине. Придуманное Икрамовым название не было случайным. Шайтан-яма доставила массу проблем советским войскам. Довольно обширная, она была окружена высокими горами, через которые в долину вела единственная дорога. Вдоль ее буквально на каждом шагу находились удобные для засады места с безопасными путями отхода. Местные жители на протяжении тысячелетий боролись со многими завоевателями, поэтому вдобавок к естественным пещерам они выдолбили уйму замаскированных ходов и в буквальном смысле проваливались сквозь землю после нападения. А кроме главной дороги имелось множество горных дорожек и лазов, через которые афганцы то покидали долину, то возвращались в нее. Так был вырезан первый советский отряд, две мотопехотные роты. Афганцы устроили на дороге всего одну хиленькую засаду – для отвода глаз. А то бы русские не поверили, что такую благодатную долину им сдали без боя. Бойцы обнаружили несколько крепких поселений и всего две сотни жителей. Остальные афганцы якобы покинули свои дома в страхе перед оккупантами. Оглядев

толпу стариков, женщин и детей, командир отряда выставил единственный крепкий дозор, надежно перекрывший дорогу. А ночью по бесчисленным тропинкам и пробитым в горах ходам долину заполонили вооруженные мужчины, грамотно вырезавшие почти весь отряд. Только дозор и еще несколько бойцов успели открыть стрельбу. Но численное преимущество афганцев оказалось слишком велико. Они быстро подавили очаги сопротивления. На захват Шайтан-ямы бросили батальон, подкрепленный танками и авиацией. Но теперь афганцы избрали другую тактику. Они устраивали засады, внезапные и смертоносные. Дело пахло какой-то чертовщиной. Только что прошел вертолет на самой малой скорости, и было доложено, что в горах пусто, как на солдат обрушивался шквал огня, а к вертолету устремлялся «Стингер». И ни вертолета, ни целого взвода бойцов. А за следующим поворотом вспыхнул, как свечка, передовой танк. И командир отряда благоразумно решил повернуть назад. Лучше получить выволочку от начальства, чем положить всех людей и самому навеки лечь рядом с ними.

Какая-то умная голова придумала забросить в Шайтан-яму десант. Как будто афганцы бы стояли и смотрели, разинув рты, как с неба падают их враги. Да они бы мигом воспользовались замечательным подарком и расстреляли удобные живые мишени. В качестве десанта предполагалось использовать батальон Рублева. Комбат решительно воспротивился этому губительному плану. Строптивый ха-

рактик Бориса был хорошо известен, как и его блестящее умение воевать. Поэтому ему сказали:

– Черт с тобой! Поступай, как знаешь, но эта треклятая долина должна быть в наших руках.

Скрепя сердце, Комбат выбрал лучших бойцов, имеющих опыт сражений в горных условиях. Они двинулись по господствующим высотам вдоль дороги, страхуя колонну и высматривая схроны, откуда, как черти из табакерки, могли выскочить афганцы. Они в чем-то походили на саперов. Стоило пропустить укрытие противника, и следовал убийственный удар в спину. Так однажды и случилось. Рублев потерял четверых отличных бойцов. Но в целом жертв было гораздо меньше, чем в предыдущих случаях. И при этом Комбат сделал главное – он захватил долину. Кроме того, его бойцам удалось обнаружить несколько скрытых ходов, по которым афганцы проникали в Шинкай-Гильзан. Парочку из них заваляли взрывами и на этом уgomонились. Скалы поддавались с трудом, на каждый проход уходило слишком много взрывчатки, и было очевидно, что афганцы восстановят свои лабиринты, как только представится малейшая возможность. А она представилась. Командование посчитало нецелесообразным держать элитное подразделение в Богом забытой дыре. Батальон Рублева перевели туда, где было жарче, а в Шинкай-Гильзанскую долину послали обычный гарнизон, солдаты которого через несколько месяцев излишне расслабились и были вырезаны афганцами. После этого на Шайтан-яму

махнули рукой. Стратегическое значение долины было ничтожно мало по сравнению с жертвами, которых стоил ее контроль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.